

*Когда вы будете завтра?
Я сегодня буду завтра...*

Учебные тетради императрицы
Александры Фёдоровны
по русскому языку 1894–1895 годов

Глава первая

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ ИМПЕРАТОРА

В Ливадии было прохладней, чем в Севастополе.

Пройдя мимо строя почётного караула 16-го Стрелкового полка, полковник Николай Александрович Романов вступил на дворцовую лестницу, сбегаящую прямо к Чёрному морю.

Он ещё не знал, что спустя пять недель будет спускаться по этой лестнице из Ливадийского дворца уже императором.

Было ему тогда двадцать шесть лет.

1

Рассказывая об истории женитьбы Александра III, мы сравнивали её с матримониальными затеями Петра I, но она напрямик корреспонди-

руется и с тем, что происходило в Ливадии осенью 1894 года.

В отличие от отца невесту себе Николай Александрович выбрал сам.

Впервые он увидел Гессен-Дармштадтскую принцессу Алису в июне 1884 года, когда та приехала в Россию на свадьбу своей сестры Елизаветы Фёдоровны с великим князем Сергеем Александровичем. Принцессе было всего двенадцать лет, но она обратила на себя внимание шестнадцатилетнего цесаревича.

«Я мечтаю когда-нибудь жениться на Аликс Г. – записал Николай в своём дневнике. – Я люблю ее давно, но особенно глубоко и сильно с 1889 года, когда она провела 6 недель в Петербурге. Все это время я не верил своему чувству, не верил, что моя заветная мечта может сбыться».

Чувство было сильным и крепким.

В 1889 году, когда Николаю исполнился двадцать один год и он достиг совершеннолетия, он обратился к родителям с просьбой благословить его на брак с принцессой Алисой.

Считается, что Александр III, проводивший политику сближения с Францией, планировал же-

нить цесаревича на Елене Луизе Генриетте, дочери Луи-Филиппа, графа Парижского.

– Ты очень молод, для женитьбы ещё есть время... – сказал император, отвечая на просьбу сына. – Запомни, что ты наследник российского престола, ты обручен с Россией, а жену мы ещё успеем найти.

Николай не стал настаивать на немедленном сватовстве к Алисе, но решения своего не изменил. С помощью великой княгини Елизаветы Фёдоровны он продолжал переписку с возлюбленной, которая, потеряв уже и отца, герцога Людвига IV, жила теперь у своей бабушки, английской королевы Виктории.

«Спаситель сказал нам: «Всё, что ты прошишь у Бога, даст тебе Бог», – запишет Николай II позднее. – Слова эти бесконечно мне дороги, потому что в течение пяти лет я молился ими, повторяя их каждую ночь, умоляя Его облегчить Аликс переход в православную веру и дать мне её в жёны».

И он добился своего.

Ранней весной 1894 года император Александр III и императрица Мария Фёдоровна дали благословение, и 8 апреля 1894 года было официально объявлено о помолвке цесаревича и Алисы Гессен-Дармштадтской...

Её писем из Англии и ждал Николай в Ливадии осенью 1894 года...

2

Начало осени в Крыму богато на солнце, море ещё тёплое, а виноград – уже сладкий. Но и эти бархатные ливадийские недели не могли замедлить болезнь императора-отца.

С каждым днём Александр III чувствовал себя всё хуже.

Перемены в самочувствии отца: «Папа спал немного больше и поэтому днем чувствовал себя все-таки бодрее!», «Ночь Папа провел лучше», «Папа устал и чувствовал себя хуже», «У дорогого Папа вид как будто лучше, но самочувствие скверное по-прежнему – его мутит и опухоль в ногах мешает движению ног!» – старательно отмечает в своём дневнике будущий государь.

Подробно описана в дневнике и погода в Ливадии: и дующий с востока ветер, из-за которого шум прибора слышен и наверху, во дворце; и чудные лунные ночи над морем; не забыты и прогулки в виноградники, и посещения пляжа, и экскурсии в горы...

Каждый день упоминает будущий император и о письмах от невесты. Печалится, когда посланный из Англии нет, радуется, когда они наконец приходят...

И только упоминания о разговорах, которые Николай II вёл с умирающим отцом в течение этих пяти недель, во многом определившие характер его будущего царствования и весь ход русской истории, отсутствуют в дневнике.

Отчасти можно объяснить это сдержанностью Николая II¹, можно сослаться на нелюбовь Александра III к театральности, однако разумнее всё-таки говорить, что диалог между умирающим отцом-императором и сыном вёлся.

Просто реплики и паузы в нём оказывались наполненными таким сокровенным и мистическим смыслом, что не вмещались в обыденное сознание, не фиксировались на уровне констатации очевидных фактов, отмеченных в дневнике...

И всё равно, снова и снова вчитываешься в сделанные в Ливадии записи, пытаешься разглядеть, как связываются они с размышлениями о долге и своеволии, с мыслями о том, как это может отразиться на течении событий...

«23-го сентября. Пятница. Ночь Папа провел лучше, поэтому он утром вышел погулять и затем сидел около часу на скамейке недалеко от дома. Погода, к счастью, была теплее и ветер слабее вчерашнего.

Затем отправились к морю и долго сидели на берегу.

Наконец получил три письма за раз от моей дорогой Аликс!

24-го сентября. Суббота. Чудный летний день – облеклись в кителя!

Писал и получил два слезных письма от моей дорогой Аликс, по поводу отмены моего приезда к ней!

25-го сентября. Воскресенье. День был такой же, как вчера. В 11 часов пошли к обедне: Папа слушал ее, как в прошлом году в кабинете Анпапа².

За завтраком играла стрелковая музыка. Смотрели на спуск почтовых голубей, которые полетели в Севастополь.

¹ Если Александр III установил правило, согласно которому никакие царственные заботы не должны были нарушать мирного течения домашнего быта, то сын его распространил это соглашение и на свои дневники...

² Александр II.

В 2 часа поехали верхом в Айтодор, куда Папа и Мама приехали раньше. Смешно было осматривать апартаменты Ксении в новом доме, в котором она как хозяйка принимала нас и пила чаем! Она и Сандро выглядят такими счастливыми, что большего и желать нельзя! Душа радуется, глядя на них обоих! Но при виде их счастья, невольно думаешь о своем – о том, например, что могло бы быть, если б я тоже женился летом?..

«Двенадцать Апостолов» проходил, вероятно, испытывая свои механизмы. Папа был бодрее!..

26-го сентября. Понедельник. Жаркий серый день. После breakfast³ Папа и Мама поехали в виноградник, а мы последовали за ними пешком и ели много от плода лозного!

После завтрака ко мне зашел К. П. Победносцев...

27-го сентября. Вторник. Утром после кофе, вместо прогулки, дрались с Ники⁴ каштанами, сначала перед домом, а кончили на крыше».

Мысли о невесте мешаются в этих записях с переживаниями за отца, разговор с К. П. Победносцевым – с прыжками рычащего Ники, пытающегося поймать зубами пролетающие каштаны...

3

Реконструируя переживания Николая II и ход его мыслей в осенней Ливадии, можно было бы попытаться дополнить дневниковые записи многочисленными мемуарами...

К сожалению, в большинстве воспоминаний благомыслие и, так сказать, верноподаннический трепет обыкновенно заслоняют изложение подлинных событий, подменяют ход их положенным по протоколу церемониалом, порождая миражи никогда не существовавших «документов».

Широко растиражировано сейчас «Завещание», которое якобы было в устной форме изложено умирающим императором Александром III наследнику престола:

«Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как его нес я и как несли наши предки. Тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет тому назад от истекшего кровью Отца... Твой дед с высоты престола провел

много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это Он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал передо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое «передовое общество», зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывали мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним и Россия рухнет. Падение исконно русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что Ты несешь ответственность за судьбу Твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость Твоего царского долга будет для тебя основой Твоей жизни. Будь тверд и мужественен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только Самого Себя и Своей совести. В политике внешней – держись независимой позиции. Помни, – у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн. В политике внутренней – прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа редкого государства».

Не покушаясь на пафос и смысловое наполнение этой компиляции из суждений, близких к подлинным изречениям Александра III, назвать этот текст Завещанием мы бы не рискнули.

Сам Николай II, как известно, ни словом не обмолвился о полученных им от умирающего отца наставлениях. Более того, на прямой вопрос великого князя Константина Константиновича (смотри его запись в дневнике за 7 декабря 1894 года) молодой император ответил, что отец ни разу не намекнул ему о предстоящих обязанностях.

Есть и прямое свидетельство другого великого князя, Александра Михайловича, писавшего, что Александр III «умер, как жил, убежденным

³ Завтрак.

⁴ Кличка собаки.

врагом звучных фраз и мелодраматических эффектов», и перед тем как отойти в вечность, он «пробормотал лишь краткую молитву и простился с женой».

Получается, что ни окружение Александра III, ни сам Николай II, которому и адресовалось «Завещание», ничего не знали о нём.

И тем не менее подчеркнём, что все изложенные в тексте так называемого «Завещания» мысли Александр III не раз повторял на протяжении своей жизни и, в принципе, мог бы повторить их перед своей кончиной. И если он не сделал этого, то поступил так по той простой причине, что в этом... не было никакой нужды, его сын и так знал всё это!

4

Когда размышляешь над правлениями Александра III и Николая II, ясно начинаешь различать, что снова, как в московские, допетровские времена, размывается граница между личным религиозным опытом монарха и событиями истории, образующими его судьбу...

Ещё при жизни старшего брата, будучи в Москве, Александр должен был заехать за благословением в монастырь. Так получилось, что приехал он раньше своего старшего брата, и настоятель монастыря благословил его иконой, которой должен был благословить наследника престола.

Скоро приехал и старший брат Александра, монахи быстро отыскивали другой образ, но икона наследника престола досталась Александру, как через несколько лет и сам престол...

Таких мистических совпадений в жизни «самого русского императора» немало, и это не просто примечательные случаи, а логика совершающейся по Божией воле монаршей жизни.

Эта логика прослеживается и в бесстрастных записях, сделанных Николаем II той осенью в Ливадии...

«3-го октября. Понедельник. Сегодня подъехало еще двое эскулапов. Грубе⁵ и Захарьин⁶;

⁵ Вильгельм Фёдорович Грубе, профессор и директор хирургической клиники Харьковского университета, организатор медицинской помощи пострадавшим при крушении царского поезда близ станции Борки.

⁶ Григорий Антонович Захарьин, терапевт, доктор медицины, профессор по кафедре диагностики Московского университета, почётный член Императорской Санкт-Петербургской Академии наук.

так что всего их теперь набралось в Ливадии пятеро, те двое, Лейден⁷, Вельяминов⁸ и Попов⁹.

Ночью было очень свежо, в море, вероятно, ревели сильно.

День стоял ясный и теплый... Волны катились громадные».

«Был ясный день, но с гор дул очень свежий ветер... – записывает Николай II в дневнике **5 октября 1894 года.** – Папа и Мама позволили мне выписать мою дорогую Аликс из Дармштадта... Я несказанно был тронут их любовью и желанием увидеть ее! Какое счастье снова так неожиданно встретиться – грустно только, что при таких обстоятельствах».

А следом запись, сделанная **6 октября:**

«Погода была хорошая. Папа утром был на ногах, но лег после завтрака, его одолевала сонливость. Читал за него бумаги»...

На первый взгляд ничего не бросается тут в глаза...

Всё очень просто и естественно. И хорошая погода, и даже сонливость, которая после завтрака одолела отца. Переворачивает обыденность повествования только последняя фраза.

Николай **читал бумаги за Александра III.**

Бумаги – это государственные документы, издающие вопросы, которые требуют решения императора. Решения эти и составляют существо императорского правления. И то, что названо в дневнике обыденным и как бы малозначительным чтением бумаг, являлось вступлением Николая в правление империей.

«7-го октября. Пятница. Сегодня было как будто маленькое улучшение: хотя Папа спал мало, но у него аппетит, в особенности к вечеру, увеличился и самочувствие поправилось!

Телеграммы продолжали сыпаться. **Читал бумаги, привезенные фельдъегерем, которые Папа передал мне»...**

Получается, что сразу же после консилиума, когда Александр III понял, что кончина близка и его начала одолевать сонливость, он перепору-

⁷ Эрнст фон Лейден, немецкий профессор, который первым поставил Александру III правильный диагноз – нефрит.

⁸ Николай Александрович Вельяминов, лейб-медик, профессор Императорской военно-медицинской академии, директор Максимилиановской клиники, издатель журнала «Русский хирургический архив».

⁹ П. М. Попов, ассистент Г. А. Захарьина.

чил сыну государственное управление, называемое пока **чтением бумаг**.

Это одновременно и последний урок, и экзамен для будущего императора...

5

Николаю II было тогда двадцать шесть лет, и все двадцать шесть лет его готовили к этому экзамену.

С девяти лет началось обучение императора, которым руководил Константин Петрович Победоносцев.

Первые восемь лет были посвящены предметам гимназического курса с заменой классических языков элементарными основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. Следующие пять лет цесаревич занимался изучением военного дела, юридическими и экономическими науками.

Сам Победоносцев обучал наследника престола законоведению, государственному, гражданскому и уголовному праву.

Статистику, политическую экономию и финансовое право преподавал выдающийся экономист, академик, будущий министр финансов Николай Христофорович Бунге.

Международное право – автор трудов «Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII века», «О значении национальности в международном праве», а также первых русских учебников по международному праву – профессор Михаил Николаевич Капустин.

Политическую историю – профессор Петербургского университета, академик Егор Егорович Замысловский.

Химию – один из основоположников физической химии и химической динамики академик Николай Николаевич Бекетов.

Геодезию и топографию – генерал от инфантерии, профессор академии Генерального штаба, член-учредитель Русского астрономического общества, академик Отто Эдуардович Штубендорф.

Военную историю и военное искусство – автор фундаментальных трудов «Прикладная тактика» и «Опыт критическо-исторического исследования законов искусства ведения войны (Положительная стратегия)», генерал от инфантерии, академик Генрих Антонович Леер.

Военную статистику – один из главных деятелей военных реформ в России, генерал от ин-

фантерии, академик Николай Николаевич Обручев.

Боевую подготовку войск – автор «Учебника тактики», генерал Михаил Иванович Драгомиров.

Артиллерию – профессор, начальник Михайловской артиллерийской академии, генерал Николай Афанасьевич Демьяненко.

Военную администрацию – Государственный контролёр, член Государственного совета, профессор Николаевской академии Генерального штаба, генерал Павел Львович Лобко.

Тактику – профессор, генерал Павел Константинович Гудим-Левкович.

Фортификацию – профессор фортификации, инженер-генерал, композитор Цезарь Антонович Кюи.

Историю военного искусства – генерал от инфантерии, военный историк Александр Казимирович Пузыревский.

Военно-морское дело – адмирал и географ, исследователь залива Петра Великого и Русской Америки Владимир Григорьевич Басаргин, а также Николай Николаевич Ломен, командир фрегата «Память Азова», на котором и совершит Николай II кругосветное плавание.

Серьёзное внимание уделялось непосредственной строевой службе.

Два лагерных сбора наследник престола провёл в рядах лейб-гвардии Преображенского полка, исполняя обязанности субалтёрн-офицера, а затем ротного командира, два летних сезона посвятил кавалерийской службе в лейб-гвардейском Гусарском полку вначале взводным офицером, а затем командиром эскадрона, один лагерный сбор – в гвардейской артиллерии.

Пять лет, с 6 мая 1889 года, Николай II участвовал в занятиях Государственного совета и Комитета министров, неоднократно сопровождал императора Александра III в его поездках по России. Он состоял Председателем комитета по снаряжению Великого Сибирского пути, возглавлял Комитет по борьбе с голодом 1891–1892 годов.

Можно смело утверждать, что ни один из русских императоров не имел такого основательного образования и столь серьёзной подготовки, как Николай II.

К сожалению, далеко не все, даже и близкие люди, понимали это.

«Накануне окончания образования, перед выходом в Лейб-Гусарский полк, будущий император Николай II мог ввести в заблуждение любо-

го оксфордского профессора, который принял бы его, по знанию английского языка, за настоящего англичанина. Точно так же знал Николай Александрович французский и немецкий языки. Остальные его познания сводились к разрозненным сведениям по разным отраслям, но без всякой возможности их применять в практической жизни. Воспитатель генерал внушил, что чудодейственная сила таинства миропомазания во время Святого Коронования способна даровать будущему Российскому Самодержцу все необходимые познания».

Не говоря о том, что это насмешливое утверждение великого князя Александра Михайловича (Сандро) входит в явное противоречие с тем списком блистательных педагогов, занимавшихся образованием наследника престола, скажем лишь, что стремление осудить царя-мученика превалирует в мемуарах Сандро над желанием понять, что Николай II никогда и не стремился действовать так, как ему навязывало «просвещённое» окружение.

Великолепным было полученное им образование, но ещё более важной, чем непосредственные знания, была глубокая религиозность Николая II, его искренняя любовь к России, та высокая мистическая ответственность, с которой он относился к предстоящему Служению.

Великий князь Александр Михайлович считал веру в чудодейственную силу таинства миропомазания во время Святого Коронования предрасудком, недостойным главы такой великой страны, как Россия, однако и сам Николай II, и его отец Александр III относились к этому иначе.

Поэтому и получилось, что Николай II знал всё, что изложено в так называемом «Завещании», без всякого завещания.

И Александр III тоже знал, что его сын знает это.

Духовник императора Иоанн Леонтьевич Янышев перед последней исповедью спросил у него, говорил ли тот с наследником.

– Нет! – ответил умирающий Александра III – **Он сам всё знает.**

Эти слова Александра III и можно считать отметкой, поставленной им на экзамене, который держал Николай II в Ливадии в первых числах октября 1894 года, экзамене, который он как наследник престола выдержал.

Понятно и то, почему после консилиума решено было выписать Аликс из Дармштадта. Александру III важно было успеть благословить

будущую сноху, детям которой предстояло продолжить царствующую династию.

Да, он изначально не одобрял этот брачный проект...

Может быть, он и не осознавал подлинную причину своих опасений, но какие-то опасения у него, очевидно, были. Ведь именно они, а не сомнительная польза от родства с лишённой престола французской династией, руководили им.

Но сын держался непоколебимо, он готов был дожидаться своей возлюбленной, сколько потребуется, и весной, как только началось обострение болезни, Александр III изменил свою позицию и дал благословение на помолвку.

Наверное, если бы цесаревич Николай мог заглянуть на десять – пятнадцать лет вперёд, когда ясным станет, какую страшную болезнь принесёт его возлюбленная в династию Павловичей, он бы понял, почему Александр III так долго не соглашался на этот брак, но и тогда – ведь Алиса Гессен-Дармштадтская была им вымолена у Бога! – едва ли отказался бы он от своего выбора.

Если вспомнить о сговорчивости, которую проявил в выборе своей невесты Александр III, можно говорить о своеволии Николая II. Однако если заглянуть вперёд, то окажется, что упорство это – упорство будущего царя-мученика, выбирающего спутницу жизни, которая поможет ему провести семью по мученической дороге к святости, женщину, которая сама станет святой...

6

Появление в эти дни в Ливадии святого праведного Иоанна Кронштадтского никак не связано с ожиданием Аликс, но оно предваряет её приезд.

«8-го октября. Суббота. Дивный летний день: 19° в тени!.. Мы долго ждали в каюте выхода путешественниц¹⁰, т. к. их закачало и до прихода в Ялту они не вставали.

О. Иоанн прибыл с ними и по приезде в Ливадию он отслужил обедню, а позже молебен для всех людей.

Завтракали внизу – приятно видеть новые лица – это так отрезвляет!..

Получил чудную телеграмму от милой дорогой Аликс уже из России – о том, что она желала

¹⁰ Вместе с отцом Иоанном Кронштадтским приехали великие княгини Александра Иосифовна и Мария Георгиевна, сын Ольги Константиновны – греческий принц Христофор, а следом братья царя – Сергей и Павел.

бы миропомазаться по приезде – это меня тронуло и поразило до того, что я ничего долго сообщить не мог!

Милый Папа чувствовал себя немного лучше и ел больше! Читал доклады и бумаги.

9-го октября. Воскресенье. Дорогой Папа хотя спал побольше, но чувствовал себя слабым; доктора были довольны его состоянием. Несколько раз кровь принималась идти из носу. После обедни Янышев зашел к Папа и приобщил его Святых Тайн! После этого он совсем успокоился. Нас заставили завтракать со всеми и даже с музыкой, что было совсем неуместно! Когда вернулись к себе, только узнали о том, что милый Папа приобщался!

Около 2 часов он лег в постель и заснул на полтора часа.

Познакомился и разговаривал с о. Иоанном. День стоял чудный; пошел гулять с д. Сергеем. Осмотрели церковь в Орианде, спустились к морю и так вернулись в Ливадию.

Получил хорошие вести с пути от дорогой Аликс, а также письмо из Дармштадта!

10-го октября. Понедельник. Проснулся с чудным жарким днем! Дядя Владимир и т. Михень прибыли рано утром на «Саратове» из Одессы. В 9 1/2 отправился с д. Сергеем в Алушту, куда приехали в час дня. Десять минут спустя, из Симферополя подъехала моя ненаглядная Аликс с Эллой»...

Теперь вся царская семья, все участники действия, связанного со сменой императоров, собрались в Ливадии, и уже ничье своеволие, никакие мелкие погрешности не способны были нарушить величественного движения совершающейся истории.

«12-го октября. Среда. Хороший ясный день с сильным ветром с гор. Пил кофе у милой Аликс. Не могу прийти в себя от радости видеть ее среди нас – ее присутствие дает мне столько бодрости и спокойствия!

В 10 1/2 большая часть семейства отправилась пешком в Ориандскую церковь, к обедне, которую служил о. Иоанн. Он очень резко делает возгласы, как-то выкрикивает их – он прочел свою молитву за Папа, которая произвела сильное впечатление на меня. Дорогая Аликс тоже пошла со мной!..

Дуло жестоко! До обеда сидел у своей ненаглядной невесты, которую люблю все больше и

глубже! Что за счастье иметь такое сокровище, как жену!..

17-го октября. Понедельник. Утром Папа причастился св. Тайн у отца Иоанна. От волнения он себя чувствовал слабым, кроме того, он ночью мало спал...

День стоял чудный и теплый. Вернулись домой с темнотой... После обеда провел вечер у Папа – его сильно мучает кашель горловой...

18-го октября. Вторник. Тяжелый, грустный день! Дорогой Папа вовсе не спал и почувствовал себя худо утром, так что нас разбудили и позвали наверх. Что за испытание! Потом Папа немного успокоился и дремал днем с перерывами.

Не смел долго отлучаться из дому. Такое утешение иметь дорогую Аликс; она целый день сидела у меня, пока я читал дела от разных министров.

Около 11 часов у дяди Владимира было со вещание докторов – ужасно!..

Вечером казалось, что милый Папа чувствует себя бодрее – но слабость страшная! **Одно упование и надежда на Милосердного Господа: да будет воля Его святая!»**

7

«Утром дорогой Папа проспал четыре часа подряд и посидел днем в кресле. Беспokoйства наши опять начались под вечер, когда Папа переехал в спальню и лег в постель: опять слабость сделалась страшная! Все бродили по саду вразброд – я с Аликс был у моря, так что побоялся за ее ноги, чтобы она не устала влезть наверх: коляски не было.

После чаю и вечером читал бумаги»... – эту запись Николай II сделал **19 октября 1894 года.**

На следующий день жизнь императора Александра III оборвалась.

«20-го октября. Четверг. Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется – кажется до того неправдоподобным ужасная действительность.

Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины третьего он причастился святых Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал!

О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал за голову. Эта была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!»...

Святой праведный Иоанн Кронштадтский тоже оставил в своём дневнике запись об этом дне...

«Он тихо скончался. Вся Семья Царская безмолвно с покорностью воле Всевышнего преклонила колени. Душа же Помазанника Божия тихо отошла ко Господу, и я снял руки свои с главы Его, на которой выступил холодный пот.

Не плачь и не сетуй, Россия! Хотя ты не вымолила у Бога исцеления своему царю, но вымолила зато тихую, христианскую кончину, и добрый конец увенчал славную Его жизнь, а это дороже всего!»

«Он умер, как Он жил: просто и благочестиво; так умирают мои матросики, простой русский народ... – писала двоюродная сестра Александра III греческая королева Ольга. – В 10 часов утра, когда Он причащался, он повторял каждое слово молитв: «Верую Господи и исповедую» и «Вечери Твоей тайная», – и крестился. Всем нам он протягивал руку, и мы ее целовали... Никогда не забуду минут, когда Ники позвал меня под вечер посмотреть на выражение Его лица... Мы долго с Ники стояли на коленях и не могли оторваться, все смотрели на это чудное лицо».

Вглядимся ещё раз в картину происходившего 20 октября 1894 года в спальне Малого дворца в Ливадии...

Объятый волнением наследник престола, будущий царь-мученик Николай II...

На постели – умирающий император Александр III...

У изголовья – святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Его руки сжимают голову умирающего императора...

И это оттуда обращённые к нам звучат слова святого:

– Не плачь и не сетуй, Россия...

Молитвой праведного отца Иоанна Кронштадтского совершается то, что **дороже всего...**

«Обладая чрезвычайной простотой и искренностью, отец Иоанн имел величайший дар молитвы, – говорил священномученик Серафим Чичагов. – Это его отличительная особенность. Он глубоко верил, от всего сердца, в благодать, данную ему как священнику от Бога, молиться за лю-

дей Божиих и что Господь настолько близок к верующему христианину, как собственное его тело и сердце, ибо тело наше есть храм живущего в нас Святого Духа, Которого мы имеем от Бога... Он веровал на молитве, что за словом, как тень за телом, следует и дело, так как у Господа слово и дело не разделены и, не допуская ни малейшего сомнения в исполнении Богом его прошений, просил совершенно просто, искренне, как дитя, с живою верою в Господа, представляя Его не только стоящим пред собою, но и как бы находящимся в Нем, в такой близости... Дорогой батюшка отец Иоанн поражал и иногда потрясал всех глубиной своей молитвы»...

Величественная, исполненная высокого значения картина...

В конце дня загремели пушки военных кораблей в Ялтинском заливе, возвещая о кончине императора Александра III, в это время перед дворцом был установлен алтарь, у которого Николай II принёс присягу.

8

«Эта была смерть святого!» – записал Николай II, а на следующий день, 21 октября, Иоанном Кронштадтским была совершена церемония миропомазания принцессы Алисы...

«Совершилось священное миропомазание над нареченной невестой нашей. Приняв имя Александры, она стала дочерью Православной нашей Церкви, к великому утешению нашему и всей России».

Тогда ещё не знали, что благоверной княжне Александре Фёдоровне, которая родилась в православии в церкви Ливадийского дворца, предстоит стать святою.

«И в глубокой печали Господь даёт нам тихую и светлую радость», – записал в своём дневнике новый император.

Как и везде в его дневнике, каждое слово в этой записи нагружено прямым и конкретным значением гораздо в большей степени, чем это может показаться при беглом чтении.

Ясным это становится, когда мы читаем воспоминания людей, окружавших в те дни молодого императора.

«20 октября 1894 года. Ники и я стояли на веранде чудесного Ливадийского дворца с мешками кислорода в руках: мы присутствовали при последних минутах Александра III... – вспоминал великий князь Александр Михайлович. – Даже

соленое дыхание южного моря не могло вернуть к жизни человека, поставившего себе целью жизни предотвратить беспощадный ход революции... Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице Государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть.

Никто не понимал этого лучше самого Никки.

В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что он сделался Императором, и это страшное бремя власти давило его.

– Сандро, что я буду делать! – патетически воскликнул он. – Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть Царем! Я не могу управлять Империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!..

Я старался успокоить его и перечислял имена людей, *на которых Николай II мог положиться*.

Сцена великолепная.

Нет никакого сомнения, что великий князь Александр Михайлович излагает события, ничего не выдумывая от себя, но при этом и ничего не понимая в них.

В первый и последний раз увидел великий князь слезы на голубых глазах государя, простившегося навсегда со своим любимым отцом.

И, наверное, действительно, под влиянием нахлынувшего на него переживания Николай II взял под руку товарища по детским играм и повел вниз в свою комнату, и там они, обнявшись, заплакали вместе.

Наверняка Николая II давило страшное бремя власти, легшее на его плечи. Он чувствовал, что переходит сейчас в совершенно другое состояние, принципиально отличное от того, в котором находился до сих пор, и хотя его с самых малых лет готовили к этому, но освоиться в новом состоянии сразу было просто невозможно.

И Николай II вполне мог пожаловаться, что даже не знает, как разговаривать с министрами, ведь он никогда ещё не разговаривал с ними как император. И помочь, поддержать его он наверняка просил своего друга.

Только ведь просил он поддержки дружеским пониманием и сочувствием, просил молитвенной помощи...

Но великий князь Александр Михайлович ничего этого не понял.

Услышав просьбу молодого императора, он вытер слезы и, не теряя ни мгновения из переполненных горем минут, деловито начал перечислять «имена людей, *на которых Николай II мог положиться*».

Стремясь столь неприлично торопливо закрепить своё влияние на императора, расставив вокруг него своих людей, великий князь, который был, разумеется, и образованным, и воспитанным человеком, не совершал сейчас ничего необычного и непринятого в придворном обществе.

Так поступали все, и так было всегда при смене государей, почему же теперь что-то должно было измениться?

Этого великий князь Александр Михайлович не сумел понять ни в Ливадии, ни много лет спустя, когда, записывая свои мемуары, старался убедить читателей, что все беды произошли из-за нежелания Николая II следовать его мудрым советам... Вот если бы царь принял его руководство, тогда и монархия бы устояла, и история пошла бы совсем иначе.

9

Разумеется, не только великий князь Александр Михайлович стремился установить влияние над молодым императором. Другие родственники Николая II тоже не теряли времени. Тем более что и повод был подходящий – надобно было решать, как совместить то, что не совмещается – похороны Александра III и свадьбу Николая II с Александрой Фёдоровной.

«Только и делал, что отписывался от туч телеграмм, – записывает Николай II **22-го октября**. – Происходило брожение умов по вопросу о том, где устроить мою свадьбу. Мама, некоторые другие и я находил, что всего лучше сделать ее здесь спокойно, пока еще дорогой Папа под крышей дома; а все дяди против этого и говорят, что мне следует жениться в Питере после похорон.

Это мне кажется совершенно неудобным!

Днем ходили к морю – прибой был громадный. Погода потеплела и стала ясная».

Верх в семейном **брожении умов** одержали дяди.

Вместо тихой и незаметной свадьбы в Ливадии, которая совершилась как бы ещё при отце,

решено было прервать на день рождения вдовствующей императрицы траур и отпраздновать свадьбу в Санкт-Петербурге со всем положенным императорскому дому пышным церемониалом.

«26-го октября. Среда. Утром большая часть семейства уехала вперед в Москву и Питер. День стоял серый, но совсем тихий. В 2 часа и в 7 часов были панихиды в большой церкви; гроб не открывали!

Доканчивал последние бумаги...

27-го октября. Четверг. К счастью, погода была хорошая и море спокойное.

В 8 1/2 покинули наш дом, который теперь так горестно осиротел, и поехали в церковь.

Там кончалась обедня.

Вывесли гроб и передали его казакам, которые, чередуясь со стрелками и гребцами с катера Его Величества, донесли его до пристани в Ялте.

Мама и все мы провожали гроб пешком.

После литии перешли на «Память Меркурия», где гроб был поставлен на шканцах под тентом из Андреевского флага.

Полное дежурство стояло вокруг.

Чудная, красивая, но грустная картина. Затракали внизу отдельно от других.

Когда подходили к Севастополю, начало покачивать. «12 Апостолов» и «Орел» шли за нами. Вся эскадра стояла выстроенная в одну линию, совершенно как месяц тому назад. Но Боже! Какая ужасная разница с того раза, каким веселым смотрел тогда Севастополь»...

Глава вторая

СВАДЬБА ПОСРЕДИ ПОХОРОН

В Севастополе драпированный пурпуром гроб императора внесли в вагон траурного поезда.

Впереди был путь через всю империю, и начинался он в годовщину свадьбы императора Александра III и Марии Фёдоровны.

С юга на север, через всю страну, шёл траурный поезд.

Россия прощалась со своим **самым русским** императором...

«Окончательно попали в зиму, – записал **29 октября** Николай II. – Останавливались три раза: в Курске, Орле и Туле».

Пока поезд стоял, служили панихиды.

В Москве гроб вынесли из поезда и, поставив на колесницу, повезли по запруженным народом улицам в Архангельский собор.

1

Совершались и другие панихиды по дороге.

Одну из них описал герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский: «Как сейчас помню: получается телеграмма, что население местечка Поньры просит разрешения отслужить панихиду при проходе поезда. Остановка эта не была предусмотрена и приходилась среди ночи. Послали ответ, что поезд не будет останавливаться. На следующей станции опять телеграмма: убедительно просят остановить поезд и отслужить панихиду. В конце концов разрешение было дано, и поезд остановился на станции Поньры часов в пять утра (а может быть, и в четыре, – точно не помню). Мне пришлось очередь быть дежурным часовым в это время, и вот почему я был очевидец.

Отодвинулись двери вагона, и в него ворвалась предрассветная холодная мгла дождливого октябряского утра, вместо обычных расшитых золотом и блещущих галунами мундиров, пришедшая издалека серая толпа простых бедных крестьян, стоящих на коленях в лужах воды; ни одной форменной фуражки, кроме разве полицейского урядника; вместо духовенства в парчовых ризах и драгоценных митрах скромный, серый, как и всё окружающее, деревенский священник с развивающимися по ветру космами седых волос и такой же скромный дьячок.

Прерывающимся от волнения голосом читает священник слова молитв; таким же голосом отвечает ему дьячок; к концу панихиды голос священника начинает дрожать и прерываться плачем и всхлипываниями, а стоящая на коленях толпа в один голос громко рыдает под дождем и ветром, задувавшим грошковые восковые свечи. На словах вечной памяти голос священника совершенно срывается в неудержимый плач... Двери вагона задвигаются, и поезд плавно уносит на север бранные останки Того, с кем так очевидно и искренно был связан оставшийся позади на коленях серый православный народ, слезами неподдельного горя провожавший своего любимого Царя».

Ещё запомнился герцогу Георгию Николаевичу Лейхтенбергскому отец Иоанн Кронштадтский, который ехал в одном вагоне с ним: «Когда случилось ночью проходить по коридору, и он не мо-

лился у гроба почившего Императора, то его обыкновенно можно было встретить стоящим у окна и смотрящим в уходящую даль, на небо, на звезды»...

В уходящую даль великого царствия смотрел святой праведный Иоанн Кронштадтский...

2

1 ноября 1894 гроб с телом императора был в Санкт-Петербург.

Под погребальный звон колоколов и приглушённую дробь барабанов траурный кортеж двинулся к Петропавловской крепости.

Величествен и скорбен был этот последний путь.

Впереди процессии несли знамёна и гербы. Между знамёнами и гербами двигались латники. Один из них – светлый, в золотых латах, ехал на коне, опустив обнажённый меч, другой – в чёрных латах, шёл пешком, символизируя бесконечную скорбь.

Затем шли депутаты земель и городов, сновники и министры, за которыми несли государственные мечи, иностранные и русские ордена Александра III и императорские регалии.

Далее следовало – в светлых облачениях, с хоругвями, крестами и иконами – духовенство, и лишь потом – погребальная колесница, за которой шли императрица Мария Фёдоровна, Николай II и его невеста Александра Фёдоровна. Чёрное траурное платье и чёрная косынка подчёркивали её бледность...

Первая остановка траурной процессии была у Знаменской церкви¹¹.

Следующая – у Аничкова дворца, где жил Александр III.

Здесь, на Невском проспекте, и планировали террористы убить его в 1887 году...

Останавливалась траурная процессия и у Казанского собора...

Звучали слова псалма: «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его. Не убоишися от страха ночнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи во тме преходящия, от сряща и беса полуденнаго. Падет от страны твоя тысяща, и тма одесную тебе к тебе же не приблизится,

обаче очима твоима смотриши и воздаяние грешников узриши. Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое. Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохрани ти во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия»... И внимали погружённые в серенький сырой воздух петербургского дня величественные храмы и дворцы, внимали провожавшие своего императора петербуржцы, внимал сам император, совершающий свой последний путь по столице своей империи, которую он оставлял сыну...

3

«2-го ноября. Среда. Выспался хорошо; но как только приходишь в себя, сейчас же ужасный гнет и тяжелое сознание совершившегося возвращаются в душу с новой силою! Бедная Мама опять чувствовала себя слабою, и днем с нею случился небольшой обморок...

В два часа ездил на панихиду. Шел дождь, темнота была адская, дул свежий ветер, и вода в Неве пошла на прибыль... В 8 часов был на второй панихиде».

13

Напряжение, связанное с похоронными мероприятиями, не освобождало Николая II от текущей императорской работы. Практически всё его время занимали протокольные встречи и государственные дела...

«Только в первых числах ноября министры впервые явились со своими докладами к новому монарху, – пишет С. С. Ольденбург. – Они должны были одновременно с разрешением очередных вопросов посвящать его в общий ход государственной машины. И тут выяснилось, что государь был в курсе всех существенных дел»...

Порою эта осведомлённость становилась для сановников неприятным сюрпризом. Нечто подобное произошло 4 ноября, когда Николай II принимал министра финансов Сергея Юльевича Витте.

«Когда я пришёл к императору с первым моим всеподданнейшим докладом, то Николай II встретил меня чрезвычайно ласково... – вспоминал он. – Когда я приступил к докладу, то вопрос, который мне задал император Николай, был следующий: «А где находится ваш доклад о поездке на Мурман? Верните мне его».

¹¹ Здесь сейчас станция метро «Площадь Восстания».

Я доложил государю, что доклада этого его покойный отец мне не возвращал. Тогда государь сказал мне, что доклад этот ему читал (или показывал) покойный император еще в Беловежском дворце (где Александр III находился ранее, нежели переехал в Ливадию) и что на докладе этом императором Александром III сделаны некоторые резолюции.

Я снова подтвердил, что доклада этого я обратно не получал. Николай II был очень этим удивлен и сказал, что непременно его разыщет».

Отвлекаясь от пересказа воспоминаний Сергея Юльевича, отметим, что в его поведении с самого начала присутствует некая странность. И если уклончивость, с которой отвечает он на вопросы о судьбе доклада, можно как-то объяснить, то его поведение во время второй встречи 11 ноября 1894 года такому объяснению уже не поддается.

С. Ю. Витте узнал тогда, что молодой император, хотя он и находился «под влиянием разнообразных чувств и сильных впечатлений», тем не менее сумел разыскать доклад о поездке на Мурман, затерявшийся среди великого множества государственных бумаг. Сообщив об этом, Николай II объявил, что считает необходимым устроить морской опорный пункт Российской империи на Мурмане, в Екатерининской гавани, и подверг критике проект грандиозных устройств в Либаве.

– В случае войны противник легко сможет заблокировать там нашу эскадру! – сказал он.

По словам С. Ю. Витте, Николай II решил объявить указ об устройстве основного военного порта в Екатерининской гавани на Мурмане и о прокладке туда железной дороги немедленно.

«Мне пришлось часто слышать, что император Александр III сделал ошибку, послав наследника престола на Дальний Восток, вместо того чтобы организовать путешествие по Европейской России, дабы наследник ближе познакомился с Европейской Россией, а так же с Западом и ближайшими к нам странами, – скажет С. Ю. Витте в своих воспоминаниях. – Когда молодой цесаревич неожиданно сделался императором вследствие преждевременной смерти императора Александра III, то естественно полагать, что в душе его неоднократно рождалась мысль о дальнейшем расширении великой Российской империи в направлении к Дальнему Востоку»...

Но это Сергей Юльевич напишет в своих мемуарах, а 11 ноября 1894 года его охватило что-то похожее на панику. Указ Николая II стал бы решительным объявлением, что Российская империя, исполняя своё обусловленное географией и тысячелетней историей предназначение, решительно разворачивается к бескрайним пространствам северных и тихоокеанских морей, в которых, а не в европейской тесноте, и будут проложены соответствующие её мощи пути.

– Я бы посоветовал Вашему Величеству не спешить с этим делом, – сказал Сергей Юльевич. – Я бы не советовал издавать этот указ в ближайшие недели после смерти вашего покойного отца, ибо мера эта, несомненно, внесёт некоторый семейный разлад.

Император встретил это заявление недоумённым молчанием, и Сергей Юльевич – мы реконструируем разговор по его воспоминаниям – добавил, что, если указ появится сейчас, несомненно, будут говорить, что император Николай II только что вступил на престол, а потому дело это изучить не мог и, следовательно, действует под чьим-нибудь влиянием.

– Нет... – сказал император. – Говорить так не смогут, потому что у меня есть на вашем, Сергей Юльевич, докладе о поездке в Мурман, резолюции императора Александра III.

– Генерал-адмирал Алексей Александрович почтёт, Ваше Величество, это для себя обидой, ведь он партизан устройства порта в Либаве... – сказал Витте и пустился в объяснения, дескать, великий князь Алексей Александрович очень близок к вдовствующей императрице, которая теперь, после смерти Александра III, ещё более будет к нему привязана.

Витте включил всю свою опытность и мастерство царедворца и, выставив вперёд, как щит, опасение обидеть и огорчить только что овдовевшую императрицу-мать¹², вынудил-таки молодого императора счесть его «соображения довольно уважительными» и согласиться с этим делом «немножко повременить».

Трудно говорить, какими именно видами и преференциями руководствовался Сергей Юлье-

¹² С. Ю. Витте аргументировал это так: «Великий князь Алексей Александрович, будучи один среди великих князей, братьев ее покойного мужа, холостым, всегда был очень близок к императрице Марии Федоровне. Таким образом, эта мера внесет разлад в царскую семью в первые же недели после смерти императора Александра III, чего, конечно, желательно избежать»...

вич Витте, перекрывая молодому императору возможность принять соответствующее национальным интересам империи решение. Но, безусловно, он понимал, что одержал победу.

Ведь если бы царский указ был выпущен сразу, главному «партизану» либавского порта пришлось бы смириться, а так промедление позволяло великому князю Алексею Александровичу использовать всю мощь своего давления, устоять против которого ещё не коронованный император не мог.

В результате появился указ о Либавском порте.

Сам С. Ю. Витте с плохо скрываемым торжеством рассказывает в своих воспоминаниях, что Николай II приехал тогда к Константину Константиновичу и «со слезами на глазах сетовал, что вот генерал-адмирал великий князь Алексей заставил его подписать такой указ, указ, который совершенно противоречит его взглядам и взглядам его покойного отца. Отказать же ему в этом император Николай II не мог, так как великий князь поставил этот вопрос таким образом, что если этого не будет сделано, то он почтет себя крайне обиженным и должен будет отказаться от поста генерал-адмирала»...

В своих воспоминаниях С. Ю. Витте признается, что потом ему приходилось жалеть, зачем он тогда «отговорил императора Николая от издания указа об устройстве нашего опорного пункта на Мурмане»¹³, но он не был бы двоюродным братом Елены Блавадской, если бы ограничился покаянием. Эта самокритика необходима, чтобы ещё сильнее уязвить императора.

«Когда имеешь дело с людьми колеблющимися, — резюмировал он, — весьма важно ловить момент, а если упустишь момент, то и самое дело упустишь. Я говорю, что решение это имело важные последствия и вот почему: если бы император Николай II издал тогда указ о том, что надобно устраивать наш морской базис на Мурмане, то, несомненно, он сам увлекся бы этой мыслью, которая представляла собою завет покойного его отца. Тогда, вероятно, мы не искали бы выхода в открытое море на Дальнем Востоке, не было бы этого злополучного шага — захвата Порт-Артура и затем, так как мы все спускались вниз, шли со ступеньки на ступеньку, не дошли бы мы и до Цусимы».

В тот памятный день, 11 ноября 1894 года, когда Сергею Юльевичу Витте удалось одержать одну из своих многочисленных придворных побед, направленных отнюдь не на благо Российской империи, Николай II записал в дневнике:

«Утром гулял в саду. Темнота весь день стояла страшная. После breakfast'a имел доклады: Витте и Кривошеина¹⁴. Затем принял вторую серию генерал-губернаторов и командующих войсками... Принял весь Сенат в полном составе в бальной зале. Гулял и ездил на велосипеде в саду. Читать было мало, поэтому чудно провел время до обеда с милой Аликс. Боковые две комнаты устраиваются».

Эта запись, если совместить её с произведённой нами расшифровкой приёма Сергея Юльевича Витте, показывает, насколько ответственные решения приходилось принимать молодому императору в самые первые дни своего правления, в каком нечеловеческом напряжении сил он находился.

Примерно такой же распорядок складывался у него и в другие, предшествующие и сопутствующие свадьбе дни.

«Мне все кажется, что дело идёт о чужой свадьбе, — признаётся он в своём дневнике. — Странно при таких обстоятельствах думать о своей собственной женитьбе!»

Странно думать...

Это, разумеется, не о загруженности молодого императора государственными делами, а о странной близости рождения его семьи с кончиной его отца, о том зловещем соседстве погребальных и свадебных церемоний, в котором, кажется, и рождалась болезнь сына, и сама трагическая судьба всей царской семьи...

14 ноября был день рождения вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Эта дата позволяла прервать на день траур, и на это число и назначил Николай II венчание.

Утром он облачился в гусарскую форму и поехал в Зимний дворец.

«День моей свадьбы!.. — записал он в дневнике. — В 10 минут первого начался выход в большую церковь, откуда я вернулся женатым человеком!.. В Малахитовой нам поднесли громадного серебряного лебедя от семейства. Переодевшись, Аликс села со мною в карету с русской упряжкой с форейтором, и мы поехали в Казань».

¹³ Указ Николая II о строительстве военного порта в Либаве был опубликован в «Правительственном вестнике» 6 декабря 1894 года.

¹⁴ Аполлон Константинович Кривошеин, министр путей сообщения.

ский собор. Народу на улицах было пропасть – едва могли проехать!.. Мама ждала с хлебом-солью в наших комнатах. Сидели весь вечер и отвечали на телеграммы. Обедали в 8 часов. Завалились спать рано, т. к. у нее сильно разболелась голова!»

Вот и все свадебные торжества...

«Их медовый месяц протекал в атмосфере панихид и траурных визитов, – напишет великий князь Александр Михайлович. – Самая нарочитая драматизация не могла бы изобрести более подходящего пролога для исторической трагедии последнего русского Царя»¹⁵.

Но это будет написано сорок лет спустя, в Париже, а тогда, в 1894 году, Николай II, кажется, забывал о зловещем соседстве своей свадьбы с похоронными церемониями, его переполняло счастье.

«15 ноября. Итак, я женатый человек!.. Поехал с Аликс в крепость, помолиться на могиле дорогого незабвенного Папа; народу была масса!..

17 ноября. Невообразимо счастлив с Аликс, жаль, что занятия отнимают столько времени, которое так хотелось бы проводить исключительно с ней!..

19 ноября. В 9 часов уже пили кофе. Читал до 10 1/2. Принимал доклады: Ванновского¹⁶, гр. Воронцова¹⁷ и Филиппова¹⁸. Волькенштейн¹⁹ приезжал проститься – приняли его вдвоем... Гулял в саду с Аликс – было 2° морозу. Пили чай у себя и читали вместе. Просто нет сил расстаться друг с другом!..

24 ноября. Каждый день, что проходит, я благословляю Господа и благодарю Его от глубины души за то счастье, каким Он меня наградил! Большого или лучшего благополучия на этой земле человек не вправе желать»...

6

Мы уже говорили, что Александр III даже в манерах, даже в привычках своих был более русским, чем все остальные русские императоры.

¹⁵ Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 141.

¹⁶ Пётр Семёнович Ванновский, военный министр.

¹⁷ Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, министр императорского двора и уделов.

¹⁸ Третий Иванович Филиппов, Государственный контролёр России.

¹⁹ Граф фон Волькенштейн-Тростбург Антон Карл, австрийский посол.

Исключение составляет только его сын – император Николай II.

Но он – явление совсем уже необычное.

Это первый и единственный русский император, ставший святым...

Николай II родился в день памяти праведного Иова Многострадального, 6 (19) мая 1868 года, когда русская армия нанесла поражение эмиру Бухары, и Бухара отныне вошла в состав империи.

Инженер А. Р. Власенко сконструировал в тот год первый в мире зерноуборочный комбайн.

В журнале «Русский вестник» напечатали роман Ф. М. Достоевского «Идиот».

Ещё?

Ещё в Риге зашёл по мелководью в море литератор Писарев, и больше не видели его живым... Однако нигилистические идеи не утонули вместе с Писаревым. Уже на следующий год всю страну потрясло убийство Сергеем Нечаевым студента Иванова.

Будущему императору было восемь лет, когда на демонстрации рабочих и студентов у Казанского собора впервые подняли красное знамя с вышитыми на нём словами: «Земля и воля»...

И ещё не исполнилось Николаю II тринадцати лет, когда 1 марта 1881 года народовольцами, устроившими настоящую охоту на государя, был убит его дед – император Александр II.

Десятилетиями вдальбивали нам в головы, какими высокими и светлыми идеалами руководствовались цареубийцы.

Смущали, правда, некоторые подробности их биографий, смущало сочувствие, которое проявляли к народовольцам-цареубийцам вчерашние рабовладельцы-крепостники, но только сейчас становится по-настоящему ясно, кого представляли и народовольцы, и последующие революционеры, чьи права они защищали под видом борьбы с самодержавием...

Монархия устояла тогда ещё на два правления, но устояла она не потому, что уже окрепло гражданское общество, способное поддерживать её вопреки изощрённейшей, безжалостной подрывной работе, проводимой вчерашними крепостниками...

Нет...

Сочувствуя монархической идее, уже угадывая в ней гарантию своих прав и свобод, русское общество ещё не успело развиться и окрепнуть настолько, чтобы противостоять обрядившемуся в нигилизм крепостничеству.

Слова классика русской литературы Ф. М. Достоевского: «...у нас проще пойти и бросить бомбу в государя, нежели заказать молебен об его здравии» – точное свидетельство отравления страны и всего русского общества впрыснутым в него ещё неизвестным ядом...

Последний русский император рос под грохот выстрелов и разрывов бомб, но готовили его для другой, созидательной на благо России деятельности...

«Огляделся: комната волшебная. Ничего подобного сроду не видывал. Во-первых, идет по полу железная дорога, маленькая, но настоящая, с рельсами, с сторожевыми будками, с тремя классами вагонов, стоят полки солдат с киверами, с касками, казаки в шапках, а вот лошади с гривами, верблюды с горбами, а вот барабан, ружья в козлах, труба с кисточкой, гора песку»...

Хозяин всех этих игрушечных сокровищ, будущий русский император заводил ключиком свою дорогу, и вот уже «паровоз побежал, из будки вышла сторожиха, замахала флажком, на платформе появился пузатый начальник, зазвонел звонок»...

Железная дорога – не случайная игрушка.

Двадцати четырёх лет от роду Николай Александрович стал председателем Комитета самой большой в мире Сибирской железной дороги, с его именем будет связано и строительство Китайской восточной железной дороги – легендарной КВЖД.

А начинались эти гигантские транспортные артерии в уютной детской, в учебных комнатах, куда приходили на уроки к наследнику престола историк Василий Ключевский, композитор Цезарь Кюи, другие выдающиеся деятели русской культуры.

Его успешно готовили к созидательной, на благо России деятельности монарха, но совсем другой Путь предназначено было пройти ему...

Нравственный путь, пройденный Николаем Александровичем от его юношеского романа с Матильдой Кшесинской до заточения в Ипатьевском доме, кажется, и не мог бы вписаться в обычную жизнь.

Это подвиг, доступный только святому.

Ни родители, ни наставники не могли знать о том, что назначено ему, и всё же – вот он Промысел Божий! – именно в детстве получил Николай глубокое религиозное воспитание.

Многие удивлялись, как прекрасно знает ребёнок чин церковных служб и, обладая музыкальностью, умеет тактично и корректно подтягивать хору дворцовой церкви...

7

С ранних лет будущий император отличался самообладанием, терпимостью и чувством долга, и именно эти качества и проявились в нём уже в самые первые месяцы правления...

И вместе с тем удивляла скромность и мягкость нового императора.

В его дневниках можно найти такие записи: «После завтрака поехал к дяде Владимиру поздравить его, но не застал его дома. Катался с Мишей и Ольгой на велосипедах»...

«Когда император Николай II вступил на престол, – вспоминал Сергей Юльевич Витте, – то от него светлыми лучами исходил, если можно так выразиться, дух благожелательности; он сердечно и искренне желал России в ее целом, всем национальностям, составляющим Россию, всем его подданным, счастья и мирного жития»...

Эта простота не была наигранной, она была естественной для сына **самого-самого русского царя**.

«Его манеры, – писал немецкий дипломат граф Рекс, – настолько скромны, и он так мало проявляет внешней решимости, что легко прийти к выводу об отсутствии у него сильной воли, но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определённая воля, которую он умеет проводить в жизнь самым спокойным образом».

Однако далеко не все были столь же осмотрительны, как немецкий посол.

Мягкость и доброжелательность Николая II порождали у некоторых сановников впечатление мягкотелости и бесхарактерности.

Он не выходил из себя, не повышал голоса, даже когда подчинённые и раздражали его своим нежеланием понять и сделать то, что необходимо, по его мнению, сделать.

Потом, получив указ о своей отставке, эти подчинённые удивлялись – ведь ещё накануне государь разговаривал с ними, не выказывая никакого раздражения...

Вежливость молодого императора они принимали за его двуличность.

Особенно сильно это заблуждение поразило умы великих князей.

Зачастую они и не принимали в расчёт само-го Николая II и единственным препятствием в реализации своего желания немножко поправить страной они считали других великих князей.

Великий князь Александр Михайлович (Сандро), который ещё в Ливадии начал формировать новое правительство России, перечисляя «имена людей, *на которых Николай II мог положить-ся*», не оставил друга, ставшего самодержцем, и в Санкт-Петербурге.

«Наш медовый месяц был прерван... и мы возвратились в Петербург, желая помочь Никки и Аликс в их первых шагах, – вспоминал он. – Едва ли можно было бы найти две другие пары молодоженов, которые были более близки друг к другу, чем мы четверо. Вначале мы занимали смежные апартаменты в Аничковом дворце... Потом мы все переехали в Зимний Дворец, который подавлял своими размерами, с громадными, уютными спальными».

Разумеется, как считал сам Александр Михайлович, такая жертвенность должна была бы иметь достойное вознаграждение, но препятствие возникло в лице старшего поколения великих князей.

«Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич воображал себя великим полководцем. Алексей Александрович повелевал морями. Сергей Александрович хотел бы превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину. Владимир Александрович стоял на страже искусств».

Ну, а сам Николай II, по наблюдению Александра Михайловича, мог только глубоко вздыхать, когда во время утреннего приёма высших сановников империи ему сообщали о приходе с докладом одного из его дядей.

8

Подобное заблуждение преобладало и в широких дворянских кругах, пока 17 января 1895 года Николай II не рассеял этих иллюзий.

«Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления, – сказал он тогда собравшимся в Николаевской зале депутациям от дворянства, земств и городских обществ. – Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия

так же твёрдо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный, покойный родитель».

Как видно из дневника, сам Николай II «был в страшных эмоциях перед тем, чтоб войти в Николаевскую залу», и значит, о последствиях своего заявления догадывался.

А последствия произошли немедленно.

«После речи государя продолжается волнение с болтовнёй всякого рода, – писал тогда К. П. Победоносцев. – Я не слышу её, но мне рассказывают, что повсюду в молодёжи и интеллигенции идут толки с каким-то раздражением против молодого государя. Вчера заезжала ко мне Мария Ал. Мещерская (ур. Панина), приехавшая сюда на короткое время из деревни. Она в негодовании от всех речей, которые слышит по этому поводу в гостиных. Зато на простых людей и на деревни слово государя произвело благотворное впечатление. Многие депутаты, едучи сюда, ожидали бог знает чего и, услышав, вздохнули свободно. Но как печально, что в верхних кругах происходит нелепое раздражение»...

К. К. Победоносцев был уверен, что большинство членов Государственного совета и министров критически относятся к поступку государя, поскольку «Бог знает, что было в головах у людей до этого дня и какие выросли ожидания»...

Наверное, можно было бы и не произносить этой речи перед прибывшими с поздравлениями депутатами, однако молодой государь сделал то, что считал нужным, и никогда не сожалел, что речью своей сильно поубавил сторонников среди так называемой передовой интеллигенции.

Николай II понимал, что не обиды уволенных чиновников и, конечно, не нелепые претензии передовой интеллигенции вызывали то «нелепое раздражение» в петербургском обществе, о котором горевал К. К. Победоносцев.

Отторжение вызывал сам характер деятельности Николая II, которую он развернул с первых дней своего правления.

9

Вот некоторые события тех лет:

1 января 1895 года. Закрепляя государственную монополию на продажу водки, вступило в силу «Положение о казённой продаже питей».

13 апреля. Высочайший указ об учреждении в Михайловском дворце «Русского музея Императора Александра III» – Государственного Русского музея.

25 апреля (7 мая). На заседании Русского физико-химического общества преподаватель физики и электроники Минных офицерских классов А. С. Попов сделал доклад об изобретённой им системе связи без проводов и продемонстрировал созданный им первый в мире радиоприёмник. Этот день считается Днём радио.

24 июня. Россия предоставила Китаю заём – 400 миллионов франков.

14 октября. Закончено сооружение первой линии Транссибирской магистрали.

15 ноября. В Мариинском театре состоялась премьера балета «Лебединое озеро» П. И. Чайковского. Эта постановка, осуществлённая Л. И. Ивановым и М. И. Петипа, стала классической.

9 декабря. Произведён арест членов Союза борьбы за освобождение рабочего класса, образованного чуть больше месяца назад. Владимир Ульянов-Ленин на 15 месяцев заключён в тюрьму, а затем отправлен на три года в ссылку в сибирское село Шушенское.

8 (20) января 1896 года. Петром Францевичем Лесгафтом организованы в Санкт-Петербурге высшие Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования, на базе которых возник Институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта.

13 (25) января. В Санкт-Петербурге в Юсуповском саду прошёл первый мировой чемпионат по фигурному катанию. Фигурным катанием в XIX веке занимались в основном мужчины.

29 апреля (11 мая). Основан Томский технологический институт императора Николая II (ныне Томский политехнический университет), старейшее высшее техническое учебное заведение Сибири.

Этот неполный перечень событий показывает, насколько грандиозными были шаги нового царствования. Двигаясь по пути, predetermined Богом, страна не только получала мощнейший резерв своего развития, включая – сооружение первой линии Транссибирской магистрали – в хозяйственный оборот бескрайние просторы Сибири, но и выходила при этом на самые передовые позиции в области науки, искусства, спорта.

Укреплялась и военная мощь государства.

30 апреля в присутствии Николая II спустили на воду в Новом Адмиралтействе броненосец «Адмирал Апраксин»; а на Балтийском заводе –

самый крупный в российском флоте – крейсер I ранга «Россия».

Случилось это как раз накануне отъезда императора на коронационные торжества в Москву.

«Так как это был наш последний приезд в Питер, поехали в крепость проститься с дорогой могилкой, перед тяжким испытанием, ожидающим нас в Москве»... – записал государь **2 мая 1896 года.**

Глава третья

КОРОНАЦИЯ ГОСУДАРЯ

«Всепресветлейший державнейший великий государь император Николай Александрович, возшед на прародительский наследственный престол Российской империи <...> по образу благочестивых государей предков своих указать изволил: священнейшему коронованию Его императорского величества и от святого мира помазанию при помощи Всевышнего быть сего мая в 14-й день...

О сем торжестве всем верноподданным чрез сие возвещается, дабы в вожделенный оный день усугубили мольбы свои к Царю царствующих, да всемошною своею благодатию приосенить царство Его величества и да утвердить в нем мир и тишину во славу свою святую и к непоколебимому благоденствию государства».

1

Исследователи справедливо отмечают, что вера в Бога и священность царского служения были для Николая II незыблемыми. Он всегда считал, что на нём лежит вся полнота ответственности за судьбу империи и он должен будет ответить за Россию перед Богом.

Из записей в дневнике Николая II видно, насколько серьезно относился он к чину коронования.

«**8 мая.** Первый тяжелый день для нас – день въезда в Москву. Погода стояла великолепная. Имел доклад Дурново. К 12 часам собралась вся ватага принцев, с которыми мы сели завтракать. В 2 1/2 ровно тронулось шествие; я ехал на Норме. Мама сидела в первой золотой карете, Аликс во второй – тоже одна. Про встречу нечего говорить, она была радушна и торжественна, какая только и может быть в Москве! Вид войск чудес-

ный! В Успенском и Архангельском соборах прикладывались к мощам...

9 мая. День стоял чудный, совершенно летний. Начали с Аликс поститься и говеть... Долго принимали наверху посольства: французское, американское, испанское, японское и корейское, все в большом составе...

10 мая. Поехали в Кремль, где снова принимали разных принцев и затем чрезвычайные посольства. Прием не продолжался так долго, как вчера; вернулись назад раньше 4 часов. Была первая гроза с освежительным дождем! ...

11 мая. В 3 1/2 уехали в Москву и поселились в Кремле в наших прежних комнатах. Пришлось принять целую армию свит наехавших принцев. В 7 часов пошли со всем семейством ко всеобщей к «Спасу за золотую решеткою»... Исповедались в спальне. Да поможет нам милосердный Господь Бог, да подкрепит он нас завтра и да благословит на мирно-трудовую жизнь!!!»

Коронация проходила 12 мая, на Троицу...

Под музыку «Боже, Царя храни», под звон кремлёвских колоколов Николай II и Александра Фёдоровна спустились по ступеням Красного крыльца и вступили под балдахин, который понесли над ними тридцать два генерала. Когда процессия остановилась у паперти Успенского собора, музыка и колокола смолкли.

– Благочестивейший Государь! – прозвучали в благоговейной тишине слова Сергия, митрополита Московского и Коломенского. – Настоящее твоё шествование, соединённое с необыкновенным великолепием, имеет и цель необычайной важности. Ты вступаешь в это древнее святилище, чтобы возложить здесь на себя царский венец и воспринять священное миропомазание. Твой прародительский венец принадлежит тебе единому, как царю единодержавному. Но миропомазания сподобляются все православные христиане, и оно неповторяемо. Если же предложит тебе восприятие новых впечатлений этого таинства, то сему причина та, что как нет выше, так и труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения... Собраны старейшины земли Русской к торжеству твоего венчания и помазания на царство; чрез них от всех племён, тебе подвластных, воспылаются тебе желания долгого и благополучного царствования; особенно же из глубины православных сердец возлетают к Господу моления, да излиётся на тебя ныне обилие даров благодатных, и чрез по-

мазание видимое да подастся тебе невидимая сила свыше, действующая к возвышению твоих царских доблестей, озаряющая твою самодержавную деятельность, ко благу и счастью твоих верных подданных...

Палладий, митрополит Санкт-Петербургский, поднёс их величествам к целованию крест, а Иоанникий, митрополит Киевский, окропил их святой водой.

Хор запел псалом «Милость и суд воспою Тебе, Господи», и царская чета вошла в Успенский собор, где возле амвона была устроена обтянутая малиновым плюшем площадка. Там под балдахин из малинового бархата, с золотой бахромою и штыми золотом орлами стояли два трона.

Николай II сел на трон царя Михаила Фёдоровича, Александра Фёдоровна заняла слоновый трон царя Иоанна III.

По ступеням, ведущим к площадке, на которой были установлены троны, поднялся Палладий, митрополит Санкт-Петербургский.

– По обычаю древних христианских монархов и боговенчаных ваших предков, – сказал он, – да соблаговолит Величество Ваше в слух верно-подданных ваших исповедать Православную католическую веру: како веруеши?

И он поднёс Николаю II открытую книгу, по которой тот громко и отчётливо прочитал «Символ веры», а потом троекратно осенил себя крестным знамением.

«О еже благословитися Царскому его венчанию Благословением Царя царствующих и Господа господствующих.

О еже укреплену быти скипетру его десницею Вышняго.

О еже помазанием всесвятаго мира прияти ему с небесе, к правлению и правосудию, силу и премудрость»... – зазвучали в храме слова великой ектении.

2

Совершались молитвы, ярким огнём горела драгоценная императорская корона, приняв которую из рук митрополита Палладия, возложил на себя Николай II.

Когда умолкли пушечная пальба на Москвереке и колокольный звон, Николай II встал на колени.

– Господи Боже отцев и Царю царствующих, сотворивый вся словом Твоим и премудростию Твоею устроивый человека, да управляет Мир в преподобии и правде! – прозвучал под древними

сводами Успенского собора его голос. – Ты избрал мя еси Царя и Судию людям Твоим. Исповедая неизследимое Твое о мне смотрение и благодаря величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Владыко и Господи мой, настави мя в деле, на неже послал мя еси, вразуми и управи мя в великом служении сем...

К Богу обращал свою молитву Николай II, и слышала эту молитву вся Россия, внимавшая преобразению, совершающемуся с её царём...

«Великий, торжественный, но тяжкий в нравственном смысле... день... – запишет в своём дневнике император. – Все это произошло в Успенском соборе, хотя и кажется настоящим сном, но не забывается во всю жизнь!!!»

Мы уже говорили, что такой просвещённый человек, как великий князь Александр Михайлович (Сандро), склонен был считать веру в чудодейственную силу таинства миропомазания во время святого коронования предрассудком, недостойным главы великой России.

С одной стороны, действовала тут высокая просвещённость образованного на современный лад великого князя, а с другой, быть может, и не осознанно так проявлялась ревность.

Ведь ещё недавно они были равными товарищами в детских играх и увлечениях, а теперь между ними пролегла пропасть.

И Александра Михайловича раздражало, что Николай II столь серьёзно относится к этой формальности, более того, это тревожило его, однако первые дни торжеств в Москве не оправдали мрачных предчувствий великого князя.

«Чудесные весенние дни, историчный город, разукрашенный флагами, звон колоколов с высоты тысячи шестисот колоколен, толпы народа, кричащие ура, коронованная молодая Царица, сияющая красотой, европейские царствующие особы в золоченых каретах – никакой строгий церемониал не мог породить в толпе большего энтузиазма, чем лицезрение всей этой картины»...

3

Трагедия разразилась в субботу 18 мая 1896 года.

На Ходынском поле соорудили роскошный павильон для царской семьи и гостевые трибуны подле него. Рядом были возведены четыре сцены, где собирались показать эпизоды из «Руслана и Людмилы», «Конька-Горбунка» и «Покорения

Ермаком Сибири», а также цирковое представление дрессированных животных Дурова.

Были устроены и эстрады для оркестров и песенников.

Кроме этого, на площади в одну квадратную версту поставили сто пятьдесят буфетов для раздачи гостинцев.

В яркий ситцевый платок с изображениями Кремля и портретов императорской четы завернули сайку, полфунта колбасы, бумажный мешочек с конфетами, орехами, александровскими рожками, изюмом и черносливом и вяземский пряник с гербом. К подарку прилагалась металлическая эмалированная кружка, украшенная позолотой, рисунками в древнерусском стиле, инициалами Их Величеств под императорской короной и памятной датой: «1896 год».

Подарочную кружку можно было тут же пустить в дело – рядом должны были бесплатно наливать мёд и пиво.

Слухи о бесплатной выпивке и подарках начали ходить по Москве, обрастая фантастическими подробностями, задолго до начала народных гуляний. Говорили, что кроме гостинцев будут ещё раздавать деньги и лотерейные билеты...

Раздача царских подарков – заготовили четырёхста тысяч пакетов – должна была начаться в десять часов утра, но народ стал собираться на Ходынском поле ещё с ночи.

«Погода стояла тогда превосходная, – вспоминал очевидец, – и предусмотрительный московский люд <...> решил провести ночь на Ходынском поле, на свежем воздухе, чтобы на месте быть к самому началу гулянья... Ночь, как на беду, была безлунная, и Ходынское поле погрузилось в полную темноту. Люди всё прибывали и, не видя перед собой дороги, спотыкались, падали в овраги... Все более плотной становилась необозримая толпа... Утро выдалось тихим, ни ветерка. Притока свежего воздуха над спрессованной толпой не было. Дышать становилось все труднее. Пот заливал синевато-бледные лица, и они казались заплаканными...»

Об этом же писал и корреспондент газеты «Русские ведомости» В. А. Гиляровский, который провёл ту ночь на Ходынском поле: «Над миллионной толпой начал подниматься пар, похожий на болотный туман... Давка была страшная. Со многими делалось дурно, некоторые теряли сознание, не имея возможности выбраться или даже упасть: лишённые чувств, с закрытыми глаза-

ми, сжатые, как в тисках, они колыхались вместе с массой»...

Неожиданно возник слух, что организаторы просчитались, подарков на всех не хватит, и, когда кто-то крикнул: «Раздают!» – вся эта многотысячная масса качнулась к помостам, на которых были воздвигнуты пирамиды жестяных кубков с императорскими орлами.

Началась страшнейшая давка.

Через четверть часа порядок был восстановлен, но было уже поздно...

Одна тысяча двести восемьдесят два человека погибли в этой давке, несколько тысяч оказались ранеными.

Нет никаких оснований для утверждения, что ходынская трагедия была кем-то специально организована, но в том, что её ждали, сомневаться не приходится.

Об этом свидетельствуют в том числе и воспоминания самого великого князя Александра Михайловича, и та готовность, с которой была использована эта трагедия молодыми великими князьями для того, чтобы ослабить конкурирующие великокняжеские партии.

4

Видимо, тут надо сделать небольшое отступление...

Во второй половине XIX века в русской императорской семье произошёл настоящий демографический взрыв.

У Николая I было семь детей: три дочери и четыре сына. От этих сыновей родилось ещё – седьмое поколение Романовых! – восемнадцать великих князей, и в их числе и император Александр III.

Александр III правил всей романовской фамилией как патриарх, и члены её, соперничающие между собою и объединяющиеся в отдельные партии, боялись его гнева. Хотя далеко не все они вели столь же безупречную жизнь, как Александр III, но вынуждены были сдерживаться, избегая открытых скандалов.

После кончины Александра III сдерживающие связи распались, всё то, что великим князьям приходилось скрывать, рванулось наружу с такой силой, что у Николая II просто не было возможности остановить этот разрушительный для императорской семьи процесс. Те разговоры, которые он вёл, не только никого не останавливали, но ещё более раззадоривали интриганов.

«Трусливый градоначальник (великий князь Сергей Александрович. – Н. К.) старался отвлечь внимание Царя приветствиями толпы, – пишет в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович (Сандро). – Но каждое «ура» звучало в моих глазах как оскорбление. Мои братья не могли сдержать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств.

Произошла тяжелая сцена. Старшее поколение Великих Князей всецело поддерживало московского генерал-губернатора.

Мой брат великий князь Николай Михайлович ответил дельной и ясной речью.

– Помни, Никки, – закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, – кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоём царствовании. Ты не в состоянии воскресить мертвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях. Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой Царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую».

5

Сцена эта даже в изложении самого Сандро, самозвано поместившего самого себя и своих братьев на место учителей и судей не только великого князя Сергея Александровича, но и самого императора, выглядит, однако, далеко не так безупречно и благородно, как хотелось бы автору.

Увы...

Хотя и не могут Михайловичи сдержать своего негодования, но видно, что огорчает их не сама трагедия.

Им нет никакого дела до погибших и пострадавших на Ходынке...

Их беспокоит только, что этот повод будет не использован для серьёзных организационных выводов.

И их до крайности возмущает поведение и великого князя Сергея Александровича, и других сановников, стремящихся замять случившееся. Распалая себя, Сандро говорит о крови **пяти тысяч** мужчин, женщин и детей, которая неизгладимым пятном останется на царствовании Николая II.

Демагогия восхитительная.

Люди на Ходынке погибли отчасти из-за неумения полиции работать с такой гигантской чело-

веческой массой, но ещё в большей степени из-за собственной глупости и жадности.

Разумеется, следовало сделать организационные выводы...

Но ведь они и были сделаны!

Работали две комиссии, они внимательно изучили дело. Обер-полицмейстера (начальника московской полиции) Александра Александровича Власовского привлекли к суду и уволили со службы.

Следовало позаботиться о пострадавших...

Но и это было сделано!

Из дневников Николая II мы знаем, что уже в воскресенье вместе с Александрой Фёдоровной он отправился в Старо-Екатерининскую больницу, где обошёл все бараки и палатки, в которых лежали несчастные, пострадавшие на Ходынке.

А в понедельник Николай II и Александра Фёдоровна посетили Мариинскую больницу и осмотрели там ещё одну группу раненых.

Всем пострадавшим – императорская семья пожертвовала девяносто тысяч рублей! – была оказана материальная помощь... Семьям погибших назначены персональные пенсии...

Всё сделали, что можно было сделать, всё исправили, что можно было исправить...

Однако совсем не этого ждало от императора его ближайшее окружение и младшее поколение великих князей в том числе!

Если поначалу, как это явствует из воспоминаний, ходынская трагедия использовалась только в борьбе конкурирующих великокняжеских партий, то постепенно её стали раздувать уже против самого государя, может быть, и подсознательно, преследуя своей целью уменьшить разрыв между великокняжеским окружением и императорской четой и тем самым лишить её ауры божьего избранничества, которою после коронации была она окружена.

И, конечно, это устремление оказалось подхваченным «прогрессивной общественностью».

Мы уже говорили, что кончина императора Александра III вызвала оживление в этой среде, однако, как отметил в своей книге Сергей Сергеевич Ольденбург, «вера в Бога и в свой долг Царского служения были основой всех взглядов Николая II».

Молодой император провозгласил, что незыблемость самодержавия и впредь останется основой государственного строя России, и таким образом развеял надежды либералов.

И сразу вокруг него начала сгущаться атмосфера недоброжелательства.

Как же было пропустить Ходынку?

Ничего общего не имели великие князья с недоброжелателями-либералами, но залить ходынской кровью тринадцатого дня коронационных торжеств высокий смысл тогдашних событий хотелось и тем, и другим.

6

Предлагая свернуть коронационные торжества, великие князья тем самым предлагали короновать Ходынкой императора, не желающего поступать так, как они считали нужным.

Слова великого князя Николая Михайловича про кровь пяти тысяч мужчин, женщин и детей, которая останется неизгладимым пятном на царствовании Николая II, – это не просто предостережение.

Это ультиматум.

Императора хотели вынудить испугаться.

Или хотя бы сделать вид, что он испугался.

И Николаю II трудно было устоять ещё и потому, что, безусловно, ему мучительно трудно было в этот скорбный день продолжать исполнение назначенных по церемониалу мероприятий.

Но он понимал, что попытка «короновать» его Ходынкой нацелена ещё и против того пути, на который разворачивал он Российскую империю, пути, по которому ему предопределено было вести свою страну.

И он сумел пересилить себя.

Как известно, несмотря на тяжёлые переживания, которые возникли после посещения Ходынского поля, Николай II отправился этим вечером на бал, назначенный по церемониалу у французского посла графа Луи-Густава Монтебелло.

Не ехать туда он просто не мог.

«Государь вскоре с этого бала удалился, – вспоминает Сергей Юльевич Витте. – Он был скучен, видимо, катастрофа произвела на него сильное впечатление».

Это воспоминания, хотя и не слишком дружественного государю человека, но тем не менее старающегося сохранять объективность.

Этого не скажешь о воспоминаниях великих князей.

Они запомнили бал у французского посла совершенно иначе.

«Вечером Император Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником, – вспоминал великий князь Александр Михайлович. – Сияющая улыбка на лице

великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка. Мы, четверо, покинули балльную залу в тот момент, когда начались танцы, и этим тяжко нарушили правила придворного этикета»²⁰.

И вроде бы ничто тут не противоречит свидетельству С. Ю. Витте, но, объединяя государя с «сияющей улыбкой на лице великого князя Сергея Александровича», великий князь Александр Михайлович заодно ещё как бы и лишает его рассудка...

7

Вопреки ультиматумам великих князей, вопреки стенаниям либерально-революционной публики Николай II оставался твёрд.

«У Государя поверх железной руки была бархатная перчатка, — отмечал Сергей Сергеевич Ольденбург. — Воля его была подобна не громовому удару. Она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана. Он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов, с неизменным постоянством, близится к своей цели».

Император не стал сворачивать коронационные торжества и сделал всё, чтобы 1896 год остался в истории нашей страны не Ходынкой, а прежде всего началом того нового великого пути, по которому пошла Русская империя.

К сожалению, благодаря воистину ветхозаветному злопамятству нашей либерально-революционной публики с годами позабылось, что на коронационных торжествах присутствовала китайская делегация во главе с Ли Хунчжаном, и через четыре дня после ходынской трагедии в Москве был подписан важнейший договор, во многом определивший дальнейшую политику государства.

Это договор предоставлял России право на постройку железнодорожной магистрали через территорию Маньчжурии (Китайско-Восточной железной дороги).

Ходынская тень мешает и сейчас осознать и тот факт, что Всероссийская выставка в Нижнем Новгороде, открывшаяся 28 мая, на второй день после завершения коронационных торжеств, по сути, стала первым свершением коронованного государя.

«В Нижнем все взято с серьезной, даже, может быть, чересчур серьезной стороны, без расчета на средние вкусы и нравы... — писал 5 июля 1896 года Дмитрий Иванович Менделеев. — Смотреть нашу выставку — значит узнавать, учиться, мыслить, а не просто «гулять».

Кроме того, выставка, устроенная, как отметил на её открытии С. Ю. Витте, «на главнейшей реке русского государства и на историческом пути в азиатские страны», этот путь и указывала.

На этом пути, вопреки великосветскому окружению и либералам-современникам, и сумел удержать Николай II Российскую империю.

8

Тем не менее Ходынка, безусловно, стала рубежом.

Отныне, что бы ни делал государь, какие бы шаги он ни предпринимал, все они подвергались осуждению. Все ошибки и промахи администрации раздувались до немыслимых размеров и ставились персонально в вину императору.

Поразительно, но император, так много сделавший для настоящего рывка в хозяйственном и общественном развитии России, стал безусловным рекордсменом среди российских правителей по количеству адресованных ему пасквилей, изданных ещё во время его правления.

Поразительно, но все эти злобные инсинуации продолжают связываться с именем государя и сейчас, когда он уже возведён церковью в сонм наших святых заступников.

Более того, даже и православные люди, понимающие, что Николай II был нашим святым царём, испытывают нечто похожее на оторопь, когда начинают думать о нём как о государственном деятеле.

— Мы понимаем, — говорят они, — что это канонизированный Русской православной церковью царь, но, с другой стороны, что же он сделал, кроме того, что проиграл две войны, довёл страну до двух революций, отрёкся от престола и опрокинул тем самым страну в кошмар Гражданской войны?

Конечно, можно сразу ответить, что не проигрывал...

Не доводил...

Не опрокидывал...

Но жалко и неубедительно звучат эти слова, даже и добросовестный историк разводит руками, не обнаруживая в правлении Николая II, как, к примеру, в эпохе Петра I, ярко выраженного на-

²⁰ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 143.

личия государственной воли в безусловно необходимых для страны деяниях.

– Много хорошего Сергей Юльевич Витте осуществил... – говорят одни историки.

– Много хорошего Пётр Аркадьевич Столыпин сделал... – возражают другие.

– А сам Николай II? Он-то где был при этом?!

И тут уже нет разногласий, и те, что восхищаются деятельностью Сергея Юльевича Витте, и те, что являются поклонниками Петра Аркадьевича Столыпина, проявляют редкое единодушие:

– А откройте дневники, увидите, что он ходил по парку и стрелял в это время ворон из ружья...

И дело тут, разумеется, не в недостатке доброжелательности, не в отсутствии фактов, необходимых для иного осмысления деятельности государя, а в ошибочности самого подхода к оценке деятельности последнего русского императора, дело в том, что о Николае II вообще невозможно говорить, забывая, что он – святой царь...

Почему?

Да потому, что подчинение себя и своей государственной деятельности Божией воле – это не просто особенность его характера и поведения, а суть его царского служения.

9

Лучше других, на наш взгляд, понимал это историк Сергей Сергеевич Ольденбург.

«На девятом году царствования личность императора Николая II оставалась едва ли не настолько же загадочной для общества и народа, как в момент его восшествия на престол, – пишет он в своем фундаментальном исследовании. – Вернее, ее уже заслоняла легенда, созданная кругами, враждебными власти. Было ли это сознательным маневром или просто результатом непонимания, недооценкой противника (ибо государь, конечно, был противником революционных течений!), но отношение к императору Николаю II существенно отличалось от той вражды, смешанной со страхом и невольным уважением, которую враги русской власти питали к его державному предшественнику.

Мягкость обращения, приветливость, отсутствие или по крайней мере весьма редкое проявление резкости – та оболочка, которая скрывала волю государя от взора непосвященного, – создали ему в широких слоях страны репутацию благожелательного, но слабого правителя, легко поддающегося всевозможным, часто противоре-

чивым внушениям. Утверждали также, будто на государя можно всегда повлиять формулой: «Так делалось при покойном царе».

А когда принималось какое-нибудь неожиданное, новое решение, сейчас же начинали искать «закулисных влияний».

Между тем, такое представление было бесконечно далеко от истины; внешнюю оболочку принимали за сущность. Император Николай II, внимательно выслушивавший самые различные мнения, в конце концов поступал сообразно своему усмотрению, в соответствии с теми выводами, которые сложились в его уме, часто – прямо вразрез с дававшимися ему советами. Его решения бывали порой неожиданными для окружающих именно потому, что свойственная ему замкнутость не давала никому возможности заглянуть за кулисы его решений. Но напрасно искали каких-либо тайных вдохновителей решений государя. Никто не скрывался «за кулисами». Можно сказать, что **император Николай II сам был главным «закулисным влиянием» своего царствования!** Можно даже сказать больше: первый период своего царствования государь понемногу «подчинил себе» министров – едва ли не в большей степени, чем император Александр III, бывший только «собственным министром иностранных дел». Поворачивая руль экономической политики в сторону деревни, государь распространял своё непосредственное влияние и на область народного хозяйства».

Чтобы убедиться, **что главным «закулисным влиянием» царствования** был сам император Николай II, а вернее его молитвенная, обращённая к Богу сосредоточенность, достаточно ещё раз перечитать бесчисленные воспоминания людей из царского окружения. Только нужно вникать не в те глубокомысленные выводы о слабости и безволии государя, которые делали они, а в непосредственное описание событий, подвигнувших авторов к таким выводам.

И тогда мы увидим, что далеко не всё делалось так, как предлагали Николаю II его всемогущие министры, и хотя министры считали, что делалось всё гораздо хуже, чем они предлагали, но на самом деле делалось так, как и должно было делаться по Божией воле.

Результат налицо...

Великими свершениями отмечены уже самые первые годы царствования Николая II.

2 июня 1896 года департамент неокладных сборов был преобразован в управление неокладных сборов и казённой продажи питей. Это, казалось бы, чисто бюрократическое преобразование, тем не менее «знаменовало то, как писал С. Ю. Витте, что питейная монополия, введенная по инициативе императора Александра III, получила уже прочные устои и постепенно будет введена по всей России».

Так и получилось. Благодаря воле императора Николая II питейную монополию удалось ввести, хотя при этом значительно пострадали интересы весьма влиятельных особ.

С. Ю. Витте приводит в своих «Воспоминаниях» разговор с французским сановником, который хотя и одобрил проведённую в России реформу, но с грустью заметил, что «реформа эта могла бы дать столь же благие результаты и во Франции, но для того чтобы такую реформу ввести, необходимо прежде всего одно условие, чтобы та страна, в которой она вводится, имела монарха неограниченного, и мало того, что неограниченного, но и с большим характером».

Этот *большой характер* неограниченного монарха Николай II проявил и в ходе финансовой реформы, когда в 1897 году Россия перешла на золотую валюту, упрочив своё международное финансовое положение.

«В сущности, – вспоминал С. Ю. Витте, – я имел за собой только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, – доверие Императора, а потому я вновь повторяю, что *Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно Императору Николаю II*». (Выделено нами. – Н. К.)

Заметим, что в 1897 году как бы в развитие идеи Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде была произведена первая Всероссийская перепись населения, насчитавшая сто двадцать миллионов человек, не включая два с половиной миллиона Великого княжества Финляндского.

Эти реформы, выставки и переписи можно уподобить сборам человека в дорогу. Путь предстоит неблизкий, следует уладить дела, собрать всё нужное, проверить собственные возможности...

Такою и была Российская империя в последние годы XIX века – в начале великого предначертанного ей пути, по которому повёл её новый, увенчанный короной монарх...

Глава четвёртая СВЯТОЙ ЦАРЬ

Повторим, что никогда, ни до, ни после правления Николая II, не было в нашей стране таких высоких темпов экономического роста, как во время его царствования.

За 1880–1910 годы темпы роста промышленности превышали девять процентов в год.

Первое место в мире заняла наша страна и по производству важнейших сельскохозяйственных культур. Больше половины мирового производства ржи, почти половина ячменя, больше четверти пшеницы и овса, около четверти картофеля было выращено в России...

Столь бурного и прорывного развития страны, хотя, разумеется, и С. Ю. Витте, и П. А. Столыпин, и другие выдающиеся деятели Российской империи внесли в это свой вклад, без участия Николая II произойти никак не могло.

1

Насколько мощным и благотворным было влияние Николая II на принимаемые решения, показывает история с прославлением мощей преподобного Серафима Саровского.

Ещё при земной жизни преподобного душа народа узнала и полюбила его, однако совсем другим было отношение к нему образованного общества...

В очерке к столетию со дня кончины преподобного Серафима Борис Зайцев вспомнил, что в юности ему пришлось жить в четырёх верстах от Сарова...

«Мы жили рядом, можно сказать под боком с Саровом, и что знали о нём! – пишет он. – Ездили в музей или на пикник... Самый монастырь – при слиянии речки Саровки с Сатисом. Саровки не помню, но Сатис – река красивая, многоводная, вьётся среди лесов и лугов. В воспоминании вижу легкий туман над гладью её, рыбу плещущую, осоку, чудные луга...

А в монастыре: белые соборы, колокольни, корпуса для монахов на крутом берегу реки, колокольный звон, золотые купола. В двух верстах (туда тоже ездили) – источник Святого: очень холодная вода, в ней иногда купают больных. Помню ещё крохотную избушку Преподобного: действительно, повернуться негде. Сохранились священные его реликвии: лапти, порты – все та-

кое простое, крестьянское, что видели мы ежедневно в быту. Все-таки пустынька и черты аскетического обихода вызывали некоторое удивление, сочувствие, быть может, тайное почтение. Но явно это не выражалось. Явное наше тогдашнее, интеллигентское мироощущение можно бы так определить: это все для полуграмотных, полных суеверия, воспитанных на лубочных картинках. Не для нас.

А около той самой пустыньки святой тысячу дней и ночей стоял на камне, молился! Все добивался – подвигом и упорством, взойти на еще высшую ступень, стяжать дар Духа Святого – Любовь: и стяжал! Шли мимо – и не видели. Ехали на рессорных линейках своих – и ничего не слышали»...

Не видели...

Ничего не слышали...

И это относится не только к приехавшим на пикник дворянским юношам, но и к таким выдающимся мыслителям и государственным деятелям, как Константин Петрович Победоносцев.

Когда впервые заговорили о канонизации Серафима Саровского, К. П. Победоносцев, который разрабатывал и осуществлял программу русского клерикализма, никакой заинтересованности не выразил, и снова этот вопрос Тамбовская епархия подняла уже в 1894 году, предварительно проведя сбор материалов о жизни, подвигах и чудесной помощи преподобного.

Однако и теперь ответ Синода оказался отрицательным.

Тамбовской епархии велено было продолжать сбор сведений, но принять дело на рассмотрение Синод отказался по причине отсутствия «решимости начать дело прославления».

2

Тут уместно будет напомнить, что благодаря реформам, произведённым Петром I и Феофаном Прокоповичем, святость оказалась если и не выведена за рамки Русской православной церкви, то предельно стеснена в её официально зарегулированном функционировании. Канонизация святых стала делом чрезвычайно редким.

Кого канонизировали в России за два столетия?

Дмитрия Ростовского... Иннокентия Иркутского... Митрофана Воронежского... Тихона Задонского...

Но всё это были архиереи, сыгравшие огромную роль в жизни всей Церкви, создавшие выдающиеся произведения церковной литературы.

А Серафим Саровский никаких высоких должностей не занимал и никаких иных заслуг, кроме своей святости, не имел. Откуда же у членов Священного Синода было взяться «решимости начать дело прославления»?

Но в 1896 году архимандрит Серафим (Чичагов) при личной аудиенции передал императору свою «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря»²¹, и душа царя, подобно душе народа, узнала и полюбила святого чудотворца. Вот тогда и сдвинулся с мёртвой точки вопрос о канонизации.

Любви, возникшей в душе государя, не могли противостоять ни Синод, ни Победоносцев.

Николай II, как пишет С. Ю. Витте, вызвал обер-прокурора Синода и попросил его «представить ко дню празднования Серафима, что должно было последовать через несколько недель, указ о провозглашении Серафима Саровского святым».

С. Ю. Витте утверждает, будто К. П. Победоносцев ответил тогда, «что святыми провозглашает Святейший Синод и после ряда исследований, главным образом основанных на изучении лица, который обратил на себя внимание святой жизнью, и на основании мнений по сему предмету населения, основанных на преданиях... Государь соизволил принять в резон доводы К. П., и последний при таком положении вопроса покинул Петергоф и вернулся в Царское Село, но уже вечером того же дня получил от государя любезную записку, в которой он соглашался с доводами К. П., что этого сразу сделать нельзя, но одновременно повелевал, чтобы к празднованию Серафима в будущем году саровский старец был сделан святым».

Однако и теперь ещё не все препятствия оказались преодолены.

11 января 1903 года в Саров выехала комиссия в составе восьми человек под председательством митрополита Московского Владимира (Богоявленского) для освидетельствования мощей святого Серафима, и результат освидетельствования (об этом был составлен секретный рапорт) привёл Синод – мощи были обретены в виде косточек – в смятение.

²¹ Есть свидетельства, что К. П. Победоносцев именно на основании этого считал архимандрита Серафима (Чичагова) «великим пролазом и плутом».

Снова началось какое-то непонятное движение...

«Секретный рапорт» был опубликован в официальном синодальном журнале, и в тот же день, 21 июня, в газете «Новое Время» появилось заявление митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) о сохранности мощей саровского старца.

Если добавить тут, что в «Деяниях Святейшего Синода» ещё 29 января 1903 года было сообщено, дескать, «в день рождения отца Серафима Его Императорскому Величеству благоугодно было вспомнить и молитвенные подвиги почившего, и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Св. Синоде дело о прославлении благоговейного старца», мы можем говорить о какой-то пусть и невнятной, но совершенно очевидной интриге, призванной вызвать в обществе возмущение своеволием императора.

Отчасти это удалось.

Наша либеральная, совершенно равнодушная к церковной жизни интеллигенция, почувствовала, что дело пахнет скандалом, к которому причастен государь, и необыкновенно возбудилась. Тут же она принялась по своему обыкновению составлять партии, готовые вступить в борьбу за право церкви самой определять святость того или иного человека²².

Осуждать интеллигенцию за это, разумеется, можно, но едва ли справедливо будет усердствовать в этом.

3

Русский клерикализм К. П. Победоносцева, который, как считают некоторые историки, правильнее называть **светским клерикализмом**, представлял собою попытку конфессионализации общественной жизни через Церковь, не имеющую самостоятельности и являющуюся, по сути, только орудием чиновничьего аппарата.

Об этом хорошо сказано в «Возмездии» Александра Блока:

*В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,*

*И не было ни дня, ни ночи,
А только – тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Степанным взором колдуна...*

Вот и русское передовое общество, отчасти К. П. Победоносцевым и воспитанное, тоже готово было использовать Церковь в качестве орудия для воздействия на бюрократический аппарат власти.

В принципе, подобный ответ являлся неизбежным продуктом этого клерикализма, который заложил Феофан Прокопович и довёл до совершенства или до духовной обморочности К. П. Победоносцев...

И снова Николай II проявил твёрдость, и ему удалось вывести дело с прославлением преподобного Серафима Саровского из заколдованного круга, заполненного болотной топью либеральных амбиций и чиновничьей косности, на твёрдую землю истинной народности и подлинного православия.

Преподобный Серафим Саровский был канонизирован, и при этом – необходимо подчеркнуть! – настаивая на своём, не соглашаясь с мнением обер-прокурора К. П. Победоносцева, выступая против мнения большинства членов Синода, Николай II выступал не в роли правителя-самодура, стремящегося вопреки всему навязать своё мнение, а как истинный Помазанник Божий, прозирающий волю Божию яснее, чем заседающие в Синоде иерархи Церкви.

4

Повторю ещё раз слова Бориса Зайцева...

«Не для нас»... «Шли мимо и не видели»... «Ехали и ничего не слышали»...

Это очень горькие признания. Ведь не только о себе, а обо всей интеллигенции, воспитанной на дворянской культуре, говорил тут писатель...

«Серафим жил почти на наших глазах... Сколь не помню я степенных наших кухарок... скромный, сутулый Серафим с палочкой... всюду за нами следовал. Только «мы»-то его не видели... Нами владели Беклины, Ботичелли... Но кухарки наши правильнее чувствовали. В некоем отношении были много нас выше»...

Жестокой войны с православием, которая велась Романовыми фактически до начала правления Николая I, дворянская литература старательно не замечала, сосредотачивая внимание

²² В столице тогда даже появились прокламации, сообщавшие о тлении мощей, и на этом основании оспаривавшие святость старца Серафима Саровского.

на грандиозных успехах, достигнутых наследниками Петра I в военном и государственном строительстве.

Успехи эти действительно неоспоримы, и весь вопрос только в цене, которой были оплачены они.

И, конечно, цели...

Русским трудом и русской кровью воздвигалась могущественнейшая империя, чтобы основная часть населения, сами русские, находились в рабстве в своей собственной стране.

Национальная энергия оказалась направленной на приобретение каких-то не очень и нужных России территорий на западе, а не вовнутрь, не на обустройство того, что уже есть, не на развитие пространств Сибири, Дальнего Востока и Севера...

Строительство империи обернулось в результате окончательным расколом русского народа. После Екатерины II неоднократно предпринимались попытки преодолеть и этот раскол, но ликвидировать его так и не удалось.

И не могло удасться.

Слишком разным стало всё.

Язык... Культура... Само православие, и отношение к нему и то, кажется, стало совершенно различным у дворян и у крестьян...

Понимали ли сами Романовы мистическую, роковую зависимость династии от преступлений, совершённых против православия Алексеем Михайловичем, Петром I и их преемниками?

Несомненно... Весь XIX век – это непрерывная попытка Романовых-Павловичей исправить совершённые отцами династии ошибки.

Случайно ли, годы подвижнического служения преподобного Серафима Саровского совпадают с этими попытками Романовых-Павловичей исправить ошибки, совершённые основателями династии? С попытками Александра I, Николая I ограничить то дикое рабовладение, что было установлено «дщерью Петровой» Елизаветой и Екатериной Великой...

Кто ещё из святых сгорблен так на иконах, как преподобный Серафим Саровский?

Но как не сгорбиться, если суждено было ему понести на своих плечах все страшные преступления, совершённые начиная с патриарха Филарета и против России, и против православной веры?

И надобно было вымолить у Господа прощение.

И молился преподобный Серафим, и отмаливал наших государей.

Велик был молитвенный подвиг, который удалось совершить тогда преподобному, хотя ещё сильнее, кажется, сгорбился он на своих иконах под неимоверной тяжестью.

5

И вот теперь великие торжества происходили в Сарове.

«17 июля в 6 часов вечера в Саров прибыли государь Император и государыня Императрица Мария Федоровна. У ворот святой обители митрополит Санкт-Петербургский Антоний встретил Их Величества крестным ходом и приветствовал государя императора следующей речью: «Святая обитель Саровская приветствует Тебя, Благодетельнейший Государь, прибывший ныне сюда принять молитвенное участие в торжестве прославления великого его подвижника приснопамятного старца иеромонаха Серафима. И все великое множество собравшегося здесь народа православного радуется встретить Царя, вместе с ним молящегося. Гряди же с миром, Государь, в святую обитель сию, и молитвами угодника Божия да будет благословенно от Господа вхождение твое».

Необычайная популярность преподобного Серафима среди православного населения России привела к тому, что в Сарове собралось на торжества около ста пятидесяти тысяч богомольцев.

19 июля на поздней литургии в Успенском соборе на малом входе при пении «Приидите поклонимся» священнослужители подняли гроб со святыми мощами преподобного на носилки, обнесли вокруг престола и положили в серебряную раку, изготовленную на средства императора Николая II.

По окончании литургии, при чтении 33-го псалма, мощи были поставлены на носилки, и начался крестный ход...

Вот и сбылось, и стало явью тайное предсказание преподобного Серафима:

– О! Во, матушки вы мои, какая будет радость: среди лета запоют Пасху! А народу-то, народу-то со всех сторон!

Быть может, впервые с допетровских времен, так глубоко и полно воплощая всю чистоту монархической идеи, совпали ощущения царя и народа...

Одними, очищенными светом православия глазами, смотрели на Божий мир и государь, и

его подданные и одинаково постигали открывающие Божии смыслы.

Наблюдатели отмечали, что наконец-то государь получил возможность убедиться в искренности народных чувств по отношению к себе, в том, что его идеалы гармонируют с национальной традицией.

«Царь был убежден, – вспоминал начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал Александр Александрович Мосолов, – что народ его искренне любит, а что вся крамола, – наносное явление, являвшееся следствием пропаганды властолюбивой интеллигенции. Именно после Сарова все чаще в нередких разговорах слышалось из уст Государя слово «царь» и непосредственно за ним «народ».

Правда, начальник канцелярии Министерства императорского двора со свойственной многим приближенным Николая II снисходительностью тут же добавил, дескать, «средостение император ощущал, но в душе отрицал его. Взгляд на подданных как на подрастающих юношей все больше укоренялся в Его Величестве», но это даже не попытка объяснения перемен, происходящих в государе, это демонстративное нежелание замечать происходящего чуда преображения.

Александр Александрович Мосолов – образованный человек, убежденный монархист, не изменивший своим монархическим убеждениям и после революции. Он готов был преданно служить царю в любых обстоятельствах, просто он не мог понять, что Николай II не просто царь, а Святой Царь.

В своих воспоминаниях «При дворе последнего царя» А. А. Мосолов скажет, что «Николай II был по природе своей весьма застенчив, не любил спорить отчасти вследствие болезненно развитого самолюбия, отчасти из опасения, что ему могут доказать неправоту его взглядов или убедить других в этом, а он, сознавая свое неумение защитить свой взгляд, считал это для себя обидным. Этот недостаток природы Николая II и вызывал действия, считавшиеся многими фальшью, а в действительности бывшие лишь проявлениями недостатка гражданского мужества».

И тут только и остаётся руками развести, поражаясь такой духовной слепоте самых близких и самых преданных людей из окружения государя.

О каком болезненно развитом самолюбии, о каком недостатке гражданского мужества может идти речь, если Николай II не только сумел понять, что переустройство страны начинается с переустройства самого себя, но и решился на деле подчинить свою личную жизнь нормам православной морали?

Хотелось бы тут обратить внимание на совпадение...

В январе 1903 года, когда в Сарове проходило освидетельствование мощей святого Серафима, в Зимнем дворце в Петербурге состоялся **последний в истории империи** большой костюмированный бал.

Царская семья, и так отличающаяся скромностью, вызывая ещё большее недоумение и раздражение придворных, навсегда отказалась от столь любимых высшим светом увеселений.

6

Говоря о разрушении средостения между царским дворцом и народно-религиозной культурой, об осуществлении царского служения Богу и народу, о великой встрече Царя и Народа, которой ждала Русь едва ли не со времён Смуты, нужно подчеркнуть, что при всей массовости и грандиозности этих событий они оставались потаёнными для просвещённых современников.

Но иначе и не могло быть.

Государь строил Святую Русь, но он строил её не из детских кубиков потешных полков, а в реальном пространстве бескрайней Российской империи, живущей по законам и обычаям, определённым ещё Петром I и его преемниками, и проект будущей постройки невозможно было вывесить в качестве образца и указания для подражания и следования.

Строительство Святой Руси совершалось из сердца государя, и нельзя было никого принудить к соучастию в этой стройке, потому что этот выбор должен был совершаться добровольно, и так он и совершался в глубинах народной православной жизни.

Безусловно, что рождение царевича Алексея по молитвам к преподобному и следовало рассматривать как знак прощения династии, как знак, указывавший, что теперь надобно совершить...

И несомненно, что государь понял этот знак.

В кабинете Его Величества, как сообщает О. Ю. Витте, «появился большой портрет – образ святого Серафима».

Рождение наследника престола, царевича Алексея, пришлось на самый разгар Русско-японской войны, и всех солдат действующей армии в этот день объявили его крёстными.

Тогда казалось, что вся Россия вместе с её армией, с её государем и наследником престола словно бы перенесена в Дивеево, и ограждённая здесь чудодейственной силой «канавки», навсегда будет защищена от сил злобы и тьмы...

Но также несомненно, что окружающие императора сановники не смогли постигнуть смысла явленного чуда. Подлинный смысл событий не осознавался и великосветским окружением государя...

Высокая драма монаршего служения, совершающегося по воле Божией и не имеющей возможности осуществиться во всей своей полноте из-за неготовности правящей элиты принять промысел Божий о стране, открывается нам в правлении Николая II.

Тут хотелось бы сразу оговориться...

Чтобы проанализировать деятельность руководителя такой гигантской страны, как Российская империя, требуется объёмное фундаментальное исследование. Ни в коей мере не претендуя на эту роль, мы отмечаем только – далеко не все! – моменты, в которых, как нам кажется, решения принимались не в результате логических умозаключений, а под влиянием неких неподвластных рассудочной логике молитвенных озарений.

Эти решения в результате оказывались самыми мудрыми из всех возможных, но окружающим, особенно поначалу, они казались нелепыми.

И это касается не только прославления подобного Серафима Саровского.

Даже большая азиатская программа Николая II, разворачивающая страну к Тихому и Северному Ледовитому океану, открывающая бесконечные возможности для внутреннего роста и развития, как бы и не замечалась и встречала, как справедливо заметил С. С. Ольденбург, полное непонимание в русском обществе, которое что-то лепетало о «маньчжурской аванюре» и готово было искать причины русской политики на Дальнем Востоке в материальной заинтересованности каких-то «царских адъютантов», в лесных концессиях на территории Кореи...

И каждый раз от Николая II требовались решительность и необыкновенная воля, чтобы поступить правильно, так, как этого и требовали интересы Империи.

7

Мы уже говорили о том воистину царском мужестве и твёрдости, которые потребовались императору, чтобы коронационные торжества завершились не Ходынкой, а Всероссийской выставкой в Нижнем Новгороде, не бессмысленной порождённой жадностью и глупостью давкой, а началом «исторического пути в азиатские страны»...

Напомним, что специально для этой выставки, где все было «взято с серьёзной, даже, может быть, чересчур серьёзной стороны», Константин Маковский создал наполненную высоким патриотическим пафосом картину «Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к пожертвованиям».

Рассматривая эту картину сейчас, невольно вспоминаешь слова Ф. И. Тютчева, сказавшего, что «русская история – единственный защитник России на её неведомых путях»...

Смотришь на эти мужественные, озарённые светом истории русские лица, и захватывает дух от красоты народного преображения в едином патриотическом порыве.

И понимаешь, что, если бы не забывали мы так быстро свою историю, может, и не вернулись бы так быстро в Кремль предатели-бояре, и, может быть, не удалось бы им так легко оттеснить от управления страной её освободителей.

Возможно, и выбрали бы тогда царя из тех, кто освобождал Москву от поляков, а не из тех, кто защищал Москву от народного ополчения. Может быть, и взяли бы тогда верх те, кто считал, что у русского человека есть силы, чтобы устроить свою страну без пришлых людей, а не те, кто считал, что нам надо завозить для управления нами шведов, поляков или немцев...

Разумеется, говоря так, мы попадаем в то пространство нашей истории, которое по сложившейся традиции по-прежнему стараются закрыть для осмысления.

К сожалению, в XIX веке наши прославленные историки, вскользь упоминая об истории освобождения Москвы, спешили скорее миновать запутанные переулки и загороженные площади нашей истории, и «передовые» люди того вре-

мени смотрели на полотно Константина Маковского совсем иначе.

Интересно, что в «Нижегородском листке» (№ 159 от 11 июня 1896 года) появилась тогда заметка «На выставке»...

«Первое впечатление не в пользу картины. Она кажется тусклой, в ней мало солнца, и кучи ярких одежд, набросанные на земле, кубки, стопы, братины – всё это недостаточно ярко, недостаточно вырисовывается, как-то очень массивно. И толпа тоже кажется массивной, неживой, без движения. Но стоит посмотреть минут десять, и картина оживает, и вы видите действительную, возбуждённую, полную страшной силы толпу, собравшуюся «делать историю».

Фигура Минина, стоящего на бочке, – очень хороша; понятно, почему всё вокруг него так кипит: это его огонь зажжёт толпу. Всё более и ярче вырисовываются в ней отдельные фигуры – убогие, калеки, снимающие с себя крест, красавица боярыня, вынимающая из ушей серьги, кожемяка, сующий свою кису возбуждённому Козьме, стрелец, свирепо взмахнувший над головой своей секирой... Вдали сквозь толпу пробивается вершник, толпа течёт из ворот кремля такой густой волной, над ней туча пыли, и выше всего старик кремль. Его серые хмурые стены очень хороши на фоне неба в лёгких, белых облаках. Левый угол картины открывает зелёный кусок Заволжья с церковью, утонувшей в купе деревьев.

Можно повторить, что в картине мало воздуха и солнца, но едва ли можно отрицать её историческую и художественную правду. Толпа Маковского глубоко народна, – это именно весь нижегородский люд старого времени собрался отстаивать Москву и бескорыстно, горячо срывает с себя рубаху в жажде положить кости за родную землю. Картина не нравится».

Заключение неожиданное.

И, видимо, чтобы пояснить свой вывод, автор добавляет, дескать, «быть может, она потому нам не нравится, что уже чужда нам, что слишком далека от наших дней, когда мы, раньше срывавшие свои последние рубахи для нужды страны, – теперь собрались срывать рубахи с наших выставочных гостей?» – однако пояснение это звучит не очень-то убедительно, и автор – а это будущий пролетарский писатель Максим Горький – то ли чтобы разъяснить окончательно свою позицию, то ли просто для

заработка, пишет ещё одну заметку, только уже для «Одесских новостей» (№ 3661 от 15 июня 1896 года):

«Здоровенный мясник, засучив рукава рубахи, готов хоть сейчас бить поляков, мускулы голых рук напряжены, лицо – зверски свирепое, изо рта, должно быть, летят «крылатые слова». Парень с глупой, круглой рожой суёт Козьме кожаную кису... Позади Минина молодой стрелец, взмахнув в воздухе тяжёлой секирой, орёт во всё горло, и глаза его налиты кровью... Всюду возбуждение страшное, и выражено оно – на мой взгляд – ярко. Толпа глубоко народна. Видишь, что это именно нижегородский народ; весь Нижний встал на ноги и рычит и мечется с силой ужасной, готовый всё ломить сплеча. Испуганные глаза татарина очень понятны...»

Ну, вот здесь всё становится понятным...

Тут сама лексика красноречивее любых разъяснений: «зверски свирепое лицо», «глупая круглая рожа», «налитые кровью глаза»...

Неприятны, отвратительны Максиму Горькому лица нижегородцев, поднявшихся для спасения России. Это же и не люди уже, а рычащая и мечущаяся с силой ужасной, готовая всё ломить сплеча масса погромщиков.

32

Вот уж воистину, если мы сами забываем пространства своей истории, эти площади постараятся застроить архитекторы, которые бы хотели, чтобы у нас вообще не было никакой истории.

И это не в переносном, а самом прямом смысле.

Во всяком случае, так и произошло в Нижнем Новгороде, когда была создана картина Константина Маковского.

Примерно в это же время как раз напротив церкви, с паперти которой, по преданию, обращался к нижегородцам Кузьма Минин, купец Н. А. Бугров построил ночлежный дом, послуживший А. М. Горькому прототипом ночлежки в пьесе «На дне».

С одной стороны, конечно, благотворительность, а с другой – откровенное глумление...

Бугров и Горький как бы свели и поставили друг против друга воодушевлённую идеей спасения Родины, объединённую жертвенным порывом Россию Минина и Пожарского и Россию деклассированных, спившихся босяков, все помыслы которых сведены к поиску выпивки.

И они смотрели друг на друга эти две России и не узнавали себя, как не узнавал Горький в массе воодушевившихся призывом Кузьмы Минина нижегородцев ничего, кроме готовности к погрому.

Н. А. Бугров принадлежал к тому типу волжских купцов, о которых трудно сказать, чего – самобытности или самодурства – больше в них, но мы не будем утверждать, что он осознанно выбирал место для своего ночлежного дома, из которого – его слова! – «как из омута, никуда нет путей».

Это и не важно...

За Бугрова выбирали место ночлежки те тёмные силы, которые, по свидетельству современников, порою всецело завладевали его душой.

Ну а Максим Горький, создававший свою пьесу об обитателях бугровского дома, о символизме соседства этого дома с Россией Минина и Пожарского, судя по его заметкам, посвящённым картине Константина Маковского, знал совершенно определённо.

На дно в его пьесе, художественные достоинства которой, по нашему мнению, весьма относительны, погружаются не только обитатели ночлежки, но и вся Русь, ещё сохранившая способность противостоять предательству и измене, Русь, ещё обладающая силой спасти саму себя.

8

Пьесу «На дне» Алексей Максимович Горький написал в 1902 году, а 29 июня²³ 1904 года в час ночи из летнего храма при Богородицком женском монастыре украли саму чудотворную икону Казанской Божией Матери, которая вела нижегородское ополчение, чтобы освободить Москву, икону, перед которой молились ратники Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина, чтобы двинуться на штурм Кремля, в котором укрылись поляки.

Кражу совершил профессиональный церковный вор Варфоломей Андреевич Стоян, называвшийся Чайкиным, и его поделщик, карманник Ананий Комов.

В ту же ночь на окраине Казани, в доме Шевлягина на Кирпично-Заводской улице, где Стоян-Чайкин арендовал целый этаж, эти словно сошедшие с горьковских страниц монстры разрубили топором первообраз чудотворной иконы

Казанской Божией Матери, чтобы побыстрее отделить от нее драгоценные камни и золото. Обломки и щепки от чудотворной иконы тёща Чайкина, сорокадевятiletняя Елена Ивановна Шиллинг, «отталкивающей наружности старуха, тип старой сводни», сожгла в железной печке.

Надо отдать должное полиции.

Расследование преступления было проведено грамотно и оперативно.

Смотритель Александровского ремесленно-го училища Владимир Вольман, прочитав в газетах, что при краже был сломан замок наружной двери собора, сообщил в полицию о золотых дел мастере Николае Максимове, заказавшем у него в училище мощные разжимные щипцы, совершенно ненужные в ювелирной работе.

Максимов после очной ставки с Вольманом сознался, что заказал щипцы по поручению своего давнего покупателя Фёдора Чайкина.

Полиция, несмотря на поздний вечер, немедленно отправилась в дом Шевлягина на Кирпично-Заводской улице, однако обнаружила там только Елену Ивановну Шиллинг и девятилетнюю Евгению – дочь Прасковьи Кучеровой. Сам Чайкин за несколько часов до появления полиции, вместе со своей гражданской женой Прасковьей Кучеровой, уехал на извозчике на пристань.

18 июля Чайкин и Кучерова были задержаны в каюте прибывшего в Нижний Новгород парохода «Ниагара». У задержанных оказались фальшивые паспорта на имя супругов Сорокиных.

К тому времени полиция уже произвела тщательные обыски в квартирах Максимова и доме Шевлягина. В квартире Максимова были найдены жемчужины, в которых монахиня Варвара, состоящая многие годы при чудотворной Казанской иконе, опознала украшения с похищенной святыни.

Успешным был обыск и на Кирпично-Заводской улице.

Полицейским удалось найти тайники, наполненные драгоценностями. Согласно протоколу, в ходе обыска обнаружены были: «куски пережженной проволоки, 205 зерен жемчуга, перламутровое зерно, камешек розового цвета, обломок серебра с двумя розочками, 26 обломков серебряных украшений с камнями, кусочек золота, 72 золотых обрезка от ризы, завернутые в рукав платья, 63 серебряных обрезка ризы и венца, пластинка с надписью «Спас

²³ 12 июля по новому стилю.

Нерукотворенный»²⁴, серебряный убрус, смятый в комок, и другие подобные предметы».

Важные показания дала девятилетняя Евгения Кучерова.

Она показала, что накануне кражи Чайкин вместе с Ананием Комовым уходил поздно вечером из дома. Каждый имел при себе шпалеру (револьвер).

Утром девочка проснулась на рассвете и увидела, как отчим рубит секачом икону Спасителя, а Комов топором – икону Казанской Божией Матери.

Разрубленные куски иконы были сложены в железную печь, после чего бабушка (Елена Шиллинг) зажгла огонь...

От дыма она вытирала рукавом глаза, и это не понравилось Чайкину.

– Мамаша у нас сегодня плаксивая... – сказал он Комову.

Читаешь эти показания и вспоминаешь сон, приснившийся в 1579 году дочери казанского стрельца Матроне.

Прекрасным в этом сне был лик Богородицы, но дышал пламенем.

– От иконы исходило пламя, и прямо на меня, будто готовое сжечь... И голос я слышала... – Матрона наморщила лоб и повторила, стараясь не пропустить и не перепутать ни одного слова. – Если ты... не поведаетшь... глаголов Моих... то Я... явлюсь в другом месте...

Сверстница Матроны Евгения Кучерова через триста двадцать пять лет воочию увидела это **ужасное** пламя.

Оцепенев, смотрела она, как режет отчим сияющие драгоценными камнями ризы. Потом подняла с полу откатившийся камешек с Казанской иконы Божией Матери и зажала его в кулачке.

Показания Евгении Кучеровой помогли задержать последнего подозреваемого – «юркого, подвижного человека с плутовато-хищным выражением глаз и характерным длинным тонким носом, загнутым вверх», Анания Комова.

Он был арестован в день праздника Казанской иконы Божией Матери.

9

Напомним, что тем летом произошло долгожданное для России событие. 30 июля 1904 года родился наследник престола, царевич Алексей.

²⁴ Негодяями была украдена из храма при Богородицком женском монастыре ещё и богато украшенная икона Христа Спасителя. Её постигла та же участь, что и икону Казанской Божией Матери...

«Когда я буду царём, – говорил он своему наставнику, – в России не будет бедных и несчастных».

Мы знаем, что враги России помешали стать царём этому **долгожданному** царевичу, рождённому по молитвам императора Николая II к преподобному Серафиму Саровскому. И может быть, потому и удалось им сделать это, что чудодейственная сила Казанской иконы Божией Матери не оградила его – наследник родился месяц спустя после уничтожения святотатцами великой святыни России...

Опять-таки можно говорить о случайном совпадении, но после уничтожения Казанской иконы Божией Матери начинаются и самые тяжёлые поражения Русско-японской войны, и Кровавое воскресенье, и вся смута 1905 года!

Странно и как-то обречённо переплетаются между собою даты тех событий.

Слушание дела в Казанском окружном суде происходило в дни, когда японцы пошли на четвёртый штурм Порт-Артура.

Столь схожий с героями Максима Горького Варфоломей Стоян (Чайкин) рассказывал на суде, как сжигали они национальную святыню России. Он говорил это и «суетливо, с гримасами всматривался в публику» своими «наглыми до дерзости глазами».

Строчили в записных книжках газетные репортёры.

Присяжные заседатели, позевывая, слушали кляквенника, уничтожившего одну из главнейших святынь нашей страны.

Согласно их вердикту, Варфоломей Стоян получил за своё преступление двенадцать лет каторги, Ананий Комов – десять лет каторжных работ. Приговор ювелиру Николаю Максиму – два года и восемь месяцев арестантских рот, и по пять месяцев тюремного заключения – Прасковье Кучеровой и Елене Шиллинг, приговор был ещё мягче.

В день оглашения этого вердикта японцам удалось овладеть господствующей над Порт-Артуром высотой, и они начали вести прицельный огонь по русским военным кораблям, стоящим на рейде...

Разумеется, сатанинское деяние Варфоломея Стояна (Чайкина) и его тётчи «старой сводни» Елены Ивановны Шиллинг отличается от замешанной на откровенном глумлении благотворительности купца Бугрова, от русофобских сочинений Горького, от поздравительных теле-

грамм, которые посылали японскому микадо революционные петербургские студенты, но отличается только своими масштабами.

По сути, это однотипные явления.

Одна задача тут – как можно сильнее оплевать и унижить русского человека, одна цель – лишить его всякой надежды на национально ориентированное устройство своей собственной страны, того, что и пытался осуществить Николай II, разворачивая Россию в своём проекте устройства Святой Руси...

Глава пятая БОЖИЯ ДОРОГА

Наши историки до сих пор ещё не определили до конца отношения к державе, зародившейся в читинско-монгольских степях, на берегах Орхона.

Тем не менее постепенно происходит осознание того непреложного факта, что именно империя Чингисхана была непосредственной предшественницей Российской империи...

Поразительно, но ведь и наследница её – Советская империя – практически совпадала своими границами с ними.

Воистину, в этом смысле наша страна – феноменальное, небывалое в мировой истории образование. Из различных центров, на основе совершенно различных государственных идеологий, различными империеобразующими этносами создавались эти три государства, но совпала их территория, на которой – лучше ли, хуже ли! – но обеспечивалось выживание всех включённых в империю народов. Когда же империя благодаря враждебным силам разрушалась, она снова возникала уже на основе другой идеологии, другого этноса, из другого центра, но в тех же самых границах.

Что это значит?

Да только одно... То, что эта империя нужна Богу, то, что народам, населяющим нашу страну, надобно исполнить то, что предназначено нашей стране Богом²⁵.

И может быть, именно эту истину и прозревал в молитвенном сосредоточении святой бла-

говерный князь Александр Невский, когда сквозь степи Средней Азии пробирался в 1247 году в далёкое Забайкалье.

Поразительно, но путь Александра Невского практически пролёг вдоль южной границы будущей Российской империи, которую ещё предстояло построить его потомкам.

«Подчинение Александра Орде иначе не может быть оценено, как подвиг смирения, – пишет Г. В. Вернадский. – Два подвига Александра Невского – подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке – имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа».

Александр Невский не мог знать того, что известно сейчас любому школьнику.

Ему неизвестно было, что, разгромив нашествие Биргера, он защитил не только новгородские пределы, но ещё и будущую столицу империи, которую, столетия спустя, построят возле места Невской битвы его потомки.

Разумеется, Александр Невский не знал, что, пробираясь в далёкий Каракорум, он, по сути, очерчивает южную границу этой империи...

Но Александр Невский был святым и яснее, чем мы сейчас, вооружённые знанием исторических фактов, прозревал духовным зрением последствия своего отнюдь не случайного, а глубоко продуманного выбора.

И мы видим, что выбор святого князя оказался безукоризненным и с геополитической точки зрения. Сохранив православие, Русь надёжно прикрыла с помощью татар северо-западные земли, где уже при внуках и правнуках святого Александра Невского началась кристаллизация нового центра Русской земли – Москвы, разросшегося в могущественнейшее государство, побравшее и подчинившее себе и своих завоевателей...

И это государство, которое через века прозревал святой князь, не могли сокрушить никакие враги...

И разве сыщется пример более полного совпадения пути спасения и устройства русским человеком своей души с путями спасения и устройства государства?

Навечно повенчав Русь со степью, князь выбрал не только свой Путь.

Он выбрал Путь Руси на многие столетия вперёд.

²⁵ Отметим попутно, что мы, осознавая себя наследниками великих созидателей нашего государства, должны ясно понимать, что все те, кто тем или иным способом пытаются разрушить страну, враги не только нашего государства, но и самого Бога.

По этому пути и вёл страну святой царь Николай II.

Почти семь веков разделяли его со святым благоверным князем Александром Невским. Страшные ошибки и предательства были совершены на этом пути, но благодаря великим подвигам народа, прозрениям гениев и молитвам святых уже не в мечтаниях, а в реальности превращалась наша страна в обетованную Святую Русь.

Получив транссибирскую магистраль, протянувшуюся сквозь всё её пространство, Россия занялась стремительным развитием Сибири, и сама сделалась похожа на богатыря, расправляющего плечи и входящего в полную силу...

Ещё строительство Транссибирской магистрали позволило России реально утвердить себя в акватории Тихого океана.

Некоторые историки, очерняя правление Николая II, говорят, что лучше бы и не заключать было России тот «ходынский» договор на постройку железнодорожной магистрали через территорию Маньчжурии (Китайско-Восточной железной дороги), лучше было бы и не строить ничего, глядишь, и войны с Японией не случилось бы тогда...

Правда они забывают добавить при этом, что тогда, глядишь, и с Дальним Востоком нашей стране пришлось бы расстаться, как пришлось проститься с Аляской, тогда, глядишь, и выхода к Тихому океану Россия лишилась бы, но какое это имеет значение для подобных историков?

Они ведь правы в том, что пока Россия только обозначала своё присутствие на Дальнем Востоке, пока она не проявляла в этом регионе военной и экономической активности, она никому и не мешала. Если бы Николай II не попытался укрепиться на Тихом океане, войны и, соответственно, неудач в ходе её, действительно, можно было бы избежать.

Но ведь Русско-японская война началась не из-за «неосторожности», а из-за неизбежности. Она стала неизбежной, когда Николай II начал отстаивать геополитические интересы Российской империи на Тихом океане. Япония, поддерживаемая Англией и Америкой, принялась наращивать противодействие распространению российского влияния в регионе.

Николай II не хотел воевать, но он понимал, что не воевать нельзя.

Продвижение Российской империи на Восток к Тихому океану и на Север в высокие широты государь всегда считал приоритетной задачей, и у него не возникало никаких сомнений, что свои национальные интересы на Востоке Российская империя может и должна отстаивать.

Другое дело, что для этого требовалась собранность и молитвенная решимость и государя, и всей страны. И если сам государь был готов к войне, если и страна готова была к жертвам, то этого совершенно нельзя было сказать о нашей космополитской элите, сделавшей всё, чтобы эта война стала поражением России.

Война, действительно, оказалась трудной.

Связь с осаждённым Порт-Артуром, отстоящим на восемь тысяч вёрст от Центральной России, поддерживалась одноколейным Великим Сибирским путём. Вторую колею протянули уже во время войны.

В итоге 19 декабря после десятидневной героической защиты, нарушив устав и игнорируя мнение Военного совета, генерал-лейтенант А. М. Стессель подписал капитуляцию и сдал японцам Порт-Артур с двадцатипяти тысячным всё ещё боеспособным гарнизоном. Затем последовал ряд тяжёлых сражений на полях Маньчжурии...

Впрочем, если не имеет особого смысла говорить о конкретных поводах, приведших к Русско-японской войне, поскольку война эта всё равно была неизбежностью, то тем более нет никакого смысла, оценивая общий итог войны, заново объяснять неудачи Русской армии, поскольку сами масштабы потерь России в «позорнейшей и глупейшей», как называл её С. Ю. Витте, войне крайне преувеличены.

Да, наземные операции, которые велись на незнакомом русской армии театре боевых действий, с незнакомым противником, вдали от основных сил и тылового обеспечения, были достаточно кровопролитными...

Были крайне неудачные морские сражения...

Но и главное, случился – мы тут опять цитируем С. Ю. Витте – «какой-то особый вид умственного помешательства масс», приведший к тому, что из-за забастовок и других революционных выступлений на Транссибирской магистрали действующая армия оказалась, по сути дела, заблокирована вдалеке от центра России.

Всё это так... И тем не менее никакой ужасающей катастрофы не произошло, всё завершилось обыкновенным, так сказать, «притиранием» сил.

Несмотря на то что благодаря негативной позиции президента США Теодора Рузвельта, который, как отмечали наблюдатели, «на переговорах в Портсмуте порой был более японцем, чем сами японцы», России пришлось отдать Японии только половину Сахалина, Порт-Артур и Южно-маньчжурскую железную дорогу, а основные свои позиции на Тихом океане Россия сохранила...

Об этом и сообщил С. Ю. Витте, возглавлявший российскую делегацию на переговорах в Портсмуте, телеграммой, отправленной Николаю II: «Япония приняла требования относительно мирных условий, и, таким образом, мир будет восстановлен, благодаря мудрым и твердым решениям Вашим и в точности согласно предначертаниям Вашего Величества. Россия остается на Дальнем Востоке великой державой, каковой она была до днесь и останется во веки».

Многие историки пишут, что Николай II был разочарован согласием Японии на заключение мира в Портсмуте. Отказавшись принять первоначальные условия и выставив свои требования, он приказал С. Ю. Витте в случае несогласия японцев прервать переговоры.

Когда на заседании 16 августа русская делегация огласила своё предложение, заканчивающееся следующими словами: «Российские полномоченные имеют честь заявить, по приказу своего Августейшего Повелителя, что это последняя уступка, на которую Россия готова пойти с единственной целью прийти к соглашению», никто не сомневался, что японцы отвергнут русское предложение. После короткого молчания главный японский делегат Комура ровным голосом сказал, что японское правительство в целях восстановления мира принимает эти условия.

Обосновывая свою точку зрения, историки говорят, что к началу лета 1905 года на театре военных действий была сосредоточена прекрасно вооружённая и численно превосходящая противника Русская армия, в то время как Япония была уже совершенно истощена войной.

Правда, в России к началу лета 1905 года уже всюду бушевала устроенная не без участия японских денег революция, так что она, без сомнения, уравнивала возможности обеих стран...

«Особый вид умственного помешательства масс», который охватил Санкт-Петербург и всю Россию, оказался страшнее сдачи Порт-Артура и гибели эскадры адмирала З. П. Рождественского в Цусимском проливе.

Как это ни прискорбно, но исход войны решился не на полях сражений, а в Санкт-Петербурге, откуда представители «передового» общества слали приветственные телеграммы японскому микадо.

Тотальный общественный террор захлестнул своей адской чернотой Россию. Администраторов убивали за увольнение нерадивых студентов, за неосторожно сказанное слово, за то, что тот или иной чиновник оказывался похожим не на того, на кого, по мнению «прогрессистов», следовало походить. Ну, а если министр или генерал оказывался заподозренным в действиях, направленных на Божие дело, на благо России и государя, террористы не считались ни с какими жертвами.

Одно из самых бессмысленных и жестоких преступлений совершил в 1905 году эсер Иван Платонович Каляев. Сын полячки и околоточного надзирателя, он уже к двадцати пяти годам сумел уверовать в террор сильнее – это его собственные слова! – чем во все парламенты мира.

Иван Каляев бросил в Кремле бомбу, которая на части разорвала генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича.

Убийца написал потом, что «дело 4-го февраля» он исполнил «с истинно религиозной преданностью».

Религией его был социализм.

Существует трогательная история о посещении убийцы великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, вдовой Сергея Александровича.

7 февраля 1905 года, на третий день после трагедии, Елизавета Фёдоровна поехала к убийце, которого содержали тогда в Бутырской тюрьме.

– Покайтесь, прошу вас! – сказала Елизавета Фёдоровна. – Я умолю государя простить вас, даровать жизнь. Сама я вас уже простила...

– Мне не в чем каяться! – отвечал Каляев. – Я убил тирана. Я бы сделал это и раньше. Мне всё время мешали вы. Я не хотел убивать вас, я видел его несколько раз в то время, когда имел бомбу наготове, но вы были с ним, и я не решился его тронуть.

– И вы не сообразили того, что вы убили меня вместе с ним? – спросила Елизавета Фёдоровна. – Я принесла вам прощение от Сергея Александровича!

И она подала Каляеву Евангелие, но тот сказал, что не будет его читать.

Всё же Елизавета Фёдоровна оставила и Евангелие, и небольшую икону Иверской Божией Матери, столь почитаемую ею и Сергеем Александровичем, а возвратившись из тюрьмы, написала прощение на имя Николая II о помиловании убийцы её мужа, но просьба её была отклонена...

Совсем иначе описывал эту историю сам Каляев.

«Мы смотрели друг на друга, не скрою, с некоторым мистическим чувством, как двое смертных, которые остались в живых. Я – случайно, она – по воле организации, по моей воле, так как организация и я обдуманно стремились избежать лишнего кровопролития. **И я, глядя на великую княгиню, не мог не видеть на ее лице благодарности**, если не мне, то, во всяком случае, судьбе за то, что она не погибла.

– Я прошу вас, возьмите от меня на память иконку. Я буду молиться за вас.

И я взял иконку.

Это было для меня символом признания с ее стороны моей победы, символом **ее благодарности судьбе за сохранение ее жизни и покаяния ее совести за преступления великого князя**.

– Моя совесть чиста, – повторил я, – мне очень больно, что я причинил вам горе, но я действовал сознательно, и, если бы у меня была тысяча жизней, я отдал бы всю тысячу, а не только одну».

Более всего поражает тут, что Каляев даже не понял, что будущая святая преподобномученица Елизавета Фёдоровна не отблагодарить пыталась, а пробудить от летаргического сна его душу убийцы.

Ещё Каляев, уже захлестнутый злой чернотой, говорил о своей восторженной любви к народу... Правда, он так и не уточнил, к какому именно.

Его приговорили к смертной казни и 9 мая привезли в Шлиссельбург.

В Шлиссельбурге он долго писал что-то, но потом залил чернилами исписанный лист и разорвал его.

Он весь дрожал.

– Это не от страха смерти... – сказал он жандарму. – Просто я замёрз. Дайте мне что-нибудь тёплое.

Жандарм принёс одеяло, но и накрывшись им, Каляев не смог согреться.

10 мая в два часа утра его вывели на крепостной двор.

Перед казнью, как свидетельствовал потом полковник Яковлев, к Каляеву был допущен священник, с которым осуждённый ограничился одним лишь разговором.

Ивана Каляева повесили за зданием манежа, недалеко от крепостной стены, обращённой к левому берегу Невы...

3

С. Ю. Витте заметил в своих мемуарах, что назначением своим на пост Председателя Совета Министров он обязан, прежде всего, «боязнию более симпатичных монаршему сердцу лиц» занять этот пост. Торжествуя победу, Сергей Юльевич Витте, конечно, несколько преувеличивал страхи настоящих государственников, подлинной русской интеллигенции.

Да... Кое-кого из чиновников действительно парализовал страх.

38 Но разве боялся император?

Рассказывают, что 6 января 1905 года на Неве перед Зимним дворцом происходила традиционная церемония водосвятия. Члены императорской семьи, дипломаты и придворные наблюдали за происходящим из окон дворца, а сам государь стоял возле иордани на специальном помосте.

После церемонии водосвятия раздался салют из орудий Петропавловской крепости. Каким-то образом злоумышленникам удалось подменить холостые снаряды на боевые. Одним из выстрелов был тяжело ранен городской Романов, стоявший позади императора. Другим снарядом разбило окно во дворце. Началась паника, и только государь не шевелясь и очень прямо стоял на том же месте, на помосте, где и находился в начале церемонии.

– Я понял, что кто-то пытается убить меня, – объяснил он потом сестре. – Я только перекрестился. Что мне ещё оставалось делать?

И разве боялся террористов святой праведный Иоанн Кронштадтский?

Хотя и шла на него подлая охота, он бесстрашно работал на благо Отечества.

А разве боялись террористов члены Союза Русского народа, набравшего в те годы грозную силу?

Нет! Они не страшились ни подлых пущенных в спину пуль, ни бомб, подложенных в чайных, ни газетной лжи, которой их ежедневно обливала.

В 1905 году во многом благодаря этому Союзу Русского народа, созданному по благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского, и удалось подавить беспорядки.

Либеральной и революционной пропагандой эта организация оболгана, черносотенцам приписываются какие-то погромные настроения, хотя они-то как раз и пытались предотвратить беспорядки, устраиваемые революционными молодчиками.

В широком смысле Союз русского народа, в который входили такие люди, как Дмитрий Иванович Менделеев, противостоял тем, кто в силу каких-то своих частных амбиций или узко национальных интересов не желал, чтобы Россия развивалась так, как она развивалась.

Сколь дивным был воздвигнутый по благословию Иоанна Кронштадтского Собор, свидетельствует очевидец – Павел Александрович Крушеван.

«Помню первый митинг Союза Русского Народа, – вспоминал он. – Он состоялся в Михайловском манеже. На митинге собралось тысяч двадцать народа... Это были величественные и потрясающие минуты народного объединения, которых никогда не забудут те, кому довелось пережить их. Все грани, все сословные и социальные перегородки исчезли; русский князь, носящий историческую старинную фамилию, стоял бок о бок с простолюдином и, беседуя с ним, волновался общими чувствами; тут же в толпе был и известный государственный деятель, были генералы, офицеры, дамы... Но над этой пестрой массой, сливая ее в одно существо, властно царил одна общая душа, душа народа, создавшего одно из величайших государств в мире»...

Слово «Собор» от частого употребления несколько затёрлось, но важно понять, что соборная общность обладает качествами, значительно превосходящими качества отдельных людей, какими бы замечательными они ни были.

Этому Собору сообщается молитвенная сила, которая значительно превосходит даже и со-

вокупную силу самых сильных наших молитвенников, – сила, способная преображать историю.

И в 1905 году эти качества воздвигнутого по благословию Иоанна Кронштадтского Собора проявились во всей своей полноте. Благодаря Союзу русского народа полностью удалось задать поднимающуюся смуту.

Увы, сразу после подавления беспорядков 1905 года, после успокоения началась массированная атака на Союз русского народа. И ладно, если бы ополчились революционеры, но ведь против выступила практически вся царская администрация, возглавляемая С. Ю. Витте.

Ненависть к руководителям Союза русского народа настолько захлёстывала этого, без сомнения, чрезвычайно умного государственного деятеля, что он подобно базарной сплетнице готов был рассуждать, дескать, «правые организации не без ведома Царского Села, если не императора, организовали против меня охоту, как на дикого зверя».

Увы... Именно Сергей Юльевич, охваченный ненавистью к черносотенцам, и сделал тогда всё, чтобы разоружить это движение, именно царские спецслужбы по его наущению предприняли невероятные усилия, чтобы расколоть, обессилить и скомпрометировать объединения Русского Народа. Они употребляли на борьбу с черносотенцами силы значительно большие, чем на борьбу с реальной, возрастающей как из имперских, так и заграничных местечек революционной угрозой.

Царская администрация, руководимая С. Ю. Витте, всё-таки не позволила Союзу русского народа объединиться с императором.

В результате в феврале 1917 года Николаю II опереться оказалось уже не на кого, и революционно-местечковая сила смела и администрацию, и спецслужбы, и всё царское окружение, и самого царя.

То же самое мы видели и на закате советской истории, когда М. С. Горбачёв не захотел опереться на советский народ. Партийное руководство даже не попыталось рассказать людям о последствиях возможной катастрофы, не призвало народ к объединению, чтобы дать отпор силам, раскачивающим ситуацию в стране.

Более того... Именно тогда, когда союз с патриотическими силами был жизненно необходим для сохранения государства, вся партийная пе-

чать, подчинённая «архитектору перестройки» господину А. Н. Яковлеву, все спецслужбы оказались брошены на борьбу с «русским патриотизмом», который именовался тогда «русским фашизмом, поднимающим голову».

Об этом придуманном ими «русском фашизме» наши либералы и демократы кричат на протяжении вот уже четверти века, с единственной целью – помешать патриотам объединиться, чтобы защитить нашу страну.

Не было никаких предпосылок для распада СССР, распад его был инициирован «элитами», сумевшими тогда в атмосфере общего помрачения захватить власть в республиках.

Сработал адаптированный к девяностым годам сценарий 1917 года.

Великая империя пала в считанные дни...

А тогда, в 1905 году, террористам не удалось запугать ни Россию, ни императора.

Вопреки всем тёмным силам, вопреки огромным брошенным на борьбу с Россией средствам, империя не только устояла в этой борьбе, но и сделалась еще могущественней.

Так и должно происходить в стране, движущейся по Божиему пути.

Любые ошибки и неудачи переплавляются здесь в бесценный опыт, позволяющий или, вернее, подвигающий к решению важнейших национальных задач.

4

Одной из таких важнейших национальных задач и являлся Северный морской путь.

Впервые идею его – «Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу, а море там имеет огромное протяжение, и, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, откуда можно добраться на кораблях до страны Китая», – высказал ещё в начале XV века выдающийся русский дипломат и переводчик Дмитрий Герасимов (Митя Малый). И случилось это, когда Московская Русь сбросила наконец с себя так называемое ордынское иго и, стремительно воссоединяя русские земли, сама сделалась центром новой империи, которой предстояло образоваться на месте рассыпающейся империи Чингисхана.

Дмитрию Герасимову было пятнадцать лет, когда в ночь на 11 сентября 1480 года сами по себе загудели кремлёвские колокола в Москве.

Это началось отступление от Угры татарских ратей.

«Стоянием» на Угре завершился двухсотсоколетний татарский период нашей истории и началось присоединение Тверского княжества, «выводы» людей из Новгорода и заселение там москвичей, покорение Вятки, завоевание порубежных с Литвою городов...

Случайно ли, но именно на эти победоносные для Московской Руси восьмидесятилетние годы и пришёлся пик распространения ереси жидовствующих.

Она проникла тогда в высшие круги русского общества. Многие приближённые великого князя, начиная с главы правительства, думного дьяка Феодора Васильевича Курицына, брат которого стал вождём еретиков, были соращены в ересь. Ересь жидовствующих оказалась заражена Елена Волошанка, жена наследника русского престола Ивана Ивановича Молодого, и даже некоторые иерархи Русской церкви.

Сбережённая Русью в столетиях татарского плена православная вера оказалась тогда в опасности, а вместе с нею и всё государство. Святая Русь, которую не удалось сокрушить ни татаро-монгольским игом, ни западными интервенциями, была поставленной на грань внутреннего саморазрушения!

Хорошо известно о той помощи, которую оказал святителю Геннадию в борьбе с ересью преподобный Иосиф Волоцкий (Волоколамский). О деятельности самого святителя говорится намного меньше, а главное, историки практически не обращают внимания на тот факт, что если еретики искали и находили поддержку в высоких властных структурах, то архиепископ Геннадий Новгородский в борьбе с ересью мог рассчитывать только на просвещение и **образование** русских людей.

Дмитрий Герасимов как раз и являлся одновременно и прямым помощником святителя Геннадия в этой борьбе, и результатом этой борьбы, потому что в ходе неё и возрос он.

В 1493 году святитель Геннадий направил создателя первого русского учебника латинского языка, который был создан для открытой им школы в Новгороде, в первую «научную командировку» за рубеж.

Из этой заграничной командировки Дмитрий Герасимов привёз важные материалы, необходимые для развернувшейся в Новгороде просветительской деятельности архиепископа Геннадия, а кроме этого впервые тогда побывал он на Русском севере, впервые познакомился с помо-

рами, впервые совершил путешествие по северным морям.

Подчеркнём, что идея Северного морского пути – не случайное открытие, не просто плод гениальных озарений, это путь, который по Божией воле веками прокладывал в своё будущее сам русский народ.

Исследование берегов Северного Ледовитого океана началось на Руси с незапамятных времён. Новгородская летопись упоминает о походе двинского посадника Улеба (норманна Олава) на Железные Ворота²⁶, состоявшемся еще в 1032 году. В стародавние времена было написано и «Сказание об Югре». «Есть же и подаль на полунощ (на север) иные страны – суть горы зайдучи Лукоморья²⁷. Им же высота до небеси... Есть же путь до гор тех, и непроходим пропастьми, снегом, лесом»...

Поморы выходили в море на деревянных ладьях, карбасах и шняках... Обжив берега Белого моря, они обогнули Кольский полуостров и добирались до северных берегов Скандинавии.

Во времена Дмитрия Герасимова, на русском Севере были созданы корабли, округлые корпуса которых выдерживали ледовое сжатие. На этих кочах – так назывались созданные корабли – поморы начали плавать и на Грумант²⁸.

Интерес к землям, простирающимся на восток от Русского Поморья и к морям Северного Ледовитого океана, омывающим здешние берега, не угас в Дмитрие Герасимове и после его возвращения в Новгород. Продолжая служить при архиерейском дворе, он встречался с поморскими промышленниками, узнавал всё новые и новые подробности о северных плаваниях.

Как символично, что осознание возможности Северного морского пути происходило в ходе борьбы с ересью жидовствующих, в близком соседстве со знаменитой русской идеей, сформулированной псковским иноком Филофеем, «два Рима пали, третий стоит, и четвертому не бывать...»?

Филофей – сверстник Дмитрия Герасимова.

Мы не знаем, были ли они лично знакомы друг с другом, но отрицать такую возможность нельзя, поскольку в 1495 году Дмитрий Герасимов посетил в свите святителя Геннадия Новгородского многие псковские монастыри.

Впрочем, это и не важно.

Заочное знакомство, безусловно, имело место.

Одна из ранних оригинальных работ Дмитрия Герасимова, посвящённая необычной псковской иконе, на которой царь Давид изображался в образе Иисуса, была адресована княжескому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисрюю-Мунехину, в послании к которому и сформулировал Филофей свою идею Третьего Рима...

Почему мы подчёркиваем это?

Хотя идеи Третьего Рима и Северного морского пути и кажутся совершенно разнородными, но при более внимательном рассмотрении в них проступает некая общность.

Иноку Филофею удалось найти и сформулировать идеологический, Божий смысл геополитического возвышения Московской Руси, становящейся оплотом православной цивилизации.

Мысли Дмитрия Герасимова о Северном морском пути – это мысли о Божьем устройении земли. Разведывание и прокладка его – осуществление Божьей воли, деяние, к которому и призвана страна, становящаяся оплотом православной цивилизации...

5

У

Европа во времена Дмитрия Герасимова уже вступила в эпоху великих географических открытий.

В 1488 году португальцы, обогнув Африку, вышли в Индийский океан.

В 1492 году испанец Христофор Колумб, отправившийся в поисках торгового пути в Азию на запад через Атлантический океан, открыл Америку.

А в 1498 году португальская экспедиция под руководством Васко да Гамы, обогнув Африку, достигла Индии...

Впитывая новые европейские открытия, Дмитрий Герасимов снова и снова возвращался в своих мыслях к русскому Северу, к тому Божьему пути, который должен был проходить не через южные моря и океаны, не через далёкий запад, а через омывающий русские берега Северный Ледовитый океан.

Тогда Дмитрий Герасимов и помог картографу и гравёру Баттисте Агнеше составить первую и наиболее точную, вплоть до экспедиций Витуса Беринга, карту северных очертаний нашего континента.

Там был прочерчен и маршрут Северного морского пути.

²⁶ Вероятно, пролив Карские Ворота.

²⁷ Вероятно, Обская губа.

²⁸ Шпицберген.

И снова удивительным образом совпадает тут биография Дмитрия Герасимова с духовным становлением псковского инока Филофея, написавшего в 1524 году великокняжескому дьякону Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину своё «Послание на звездочётцев», в котором объяснил, что не следует приписывать астрономическим явлениям добро или зло, что человек обладает собственной волей и сам ответствен за свой выбор.

Получается, что идея Третьего Рима рождалась в контексте антиокультурной полемики, которую так или иначе вели и святитель Геннадий Новгородский, и преподобный Иосиф Волоцкий, и преподобный Максим Грек.

Обличая увлечение астрологией и ересь живодствующих, инок Филофей напоминал Великому князю Василию III Иоанновичу, в какой уникальной исторической ситуации оказалась Русь, какая миссия возложена на неё, каким путём следует двигаться дальше, не отклоняясь от православной веры...

Этот путь искал и Дмитрий Герасимов...

Льдами и туманами окажется затянут он, но прежде чем выйти на него, нужно было разглядеть этот Божий путь в обманном тумане неверия...

Завершая свой последний труд, 70-летний Дмитрий Герасимов поставил под ним 15 октября 1535 года подпись: «Дмитрий, грешной и мало ученый Схоластик, рекше ученик».

Как известно: «Аз сельский человек, учился буквам, а еллинских борзостей не текох, а риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в беседе не бывах, учуся книгам благодатного Закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от грех», – напишет о себе и сверстник Дмитрия инок Филофей.

Вряд ли кто будет спорить, что, подобно инок Филофею, Дмитрий Герасимов принадлежал к числу образованнейших русских людей...

Однако и искренность их собственной самооценки тоже не подлежит сомнению. Можно объяснить эту заниженную самооценку традиционной для культуры Средневековой Руси скромностью, однако это слишком общее объяснение.

Как нам кажется, формулируя свои мысли, связанные с Божией волей, касающейся как устройства Руси, так и предназначенного для неё пространства, и инок Филофей, и Дмитрий Герасимов становились проводниками Божией воли

и в собственном сознании умаялись рядом с провозглашёнными ими идеями.

И нет тут никакого сознательного самоуничтожения... Это естественное ощущение древнерусского человека, живущего в Божием времени.

Ни инок Филофей, ни Дмитрий Герасимов не хлопотали о сохранении за ними авторства тех гениальных идей, которые они высказывали, и не потому не хлопотали, что не понимали их значения, а потому, что считали эти идеи Указаньями Божьими, а себя лишь переводчиками, записывателями, сообщателями их.

И, конечно же, в этой связке любой человек, как бы он ни был образован, всегда остаётся только более или менее исправным учеником.

Таковыми они были, и только трудами и подвигами таких людей, как они, и могла построиться Святая Русь.

Нет, не гаснут бесследно подобно фейерверку вспыхнувшие на небе огни.

Небесный свет, воспринятый и уловленный теми, кто способен к этому, становится достоянием людей в том объёме, **сколько они сами могут уразуметь...**

Конечно же, нельзя представлять мысль Дмитрия Герасимова о существовании Северного морского пути любопытным филологическим казусом, потому что нелепо и думать, будто об этом Дмитрий Герасимов рассказал только своему римскому собеседнику.

Наверняка говорил он о Северном морском пути и с поморскими капитанами в ходе своих многочисленных дипломатических вояжей, и наверняка – он был достаточно видным чиновником – озвучивал эту мысль и в правительственных кругах...

То, что не осталось письменных свидетельств о подобных разговорах, не значит, что подобных разговоров не было.

Более того, вглядываясь в исторические события, мы обнаруживаем, что мысль о Северном морском пути достаточно быстро овладевает молодыми современниками Дмитрия Герасимова и в правительственных учреждениях, и в поморских поселениях.

В 1553 году, когда корабль Ричарда Ченслера (Ченслора) бросил якорь в устье Северной Двины, англичане попытались представить это как открытие нового морского пути и предъявили администрации Иоанна IV Васильевича Грозного претензию на установление монополии морской торговли в пользу Британии.

– Морская дорога к нашей вотчине в Холмогоры не новая, – ответили на это московские дипломаты, которые, возможно, помнили разговоры своего коллеги Дмитрия Герасимова о Северном морском пути. – Божью дорогу как мочно переняти, и уняти, и затворити?

Эта «декларация» администрации русского царя и сейчас, четырёхста шестьдесят лет спустя, остаётся непревзойдённой по глубине и точности понимания свободы океанских сообщений...

И несомненно, что за этой формулировкой, определяющей Северный морской путь как Божию дорогу, стояли рассуждения толмача Дмитрия Герасимова.

Конечно, спустя пятнадцать лет после его кончины могло стереться авторство, но сама-то идея оставалась, она продолжала жить и в умах царских чиновников, и в головах поморских капитанов, как некая данность.

Иначе и не могло быть, такое отношение в Северному морскому пути не в досужих размышлениях царских администраторов возникало, а в глубинах православного самосознания русского народа.

И так получилось, что Северный морской путь начал становиться тогда реальностью.

Уже в 1572 году на реке Таз возникает Мангазее, и в 1616 году плаванья вдоль Мезенских и Пустозёрских берегов через Вайгачский пролив в Карское море, а затем по протекающей поперёк полуострова Ямал реке Мутной²⁹ до озера Зелёного и до Обской губы сделались достаточно обычным делом для поморов.

Более того, в 1618 году русские мореходы под предводительством Акакия Мурманца сумели обогнуть полуостров Таймыр, попали Северным морским путём в море Лаптевых. Исследования, проведённые археологами во главе с А. П. Окладниковым, доказали этот факт.

Становление Северного морского пути происходило уже при новой династии, но, безусловно, как и взятие Казани, как и покорение Сибири Ермаком, оно принадлежало к свершениям династии Рюриков, в правление которой и была построена Святая Русь.

К сожалению, первым царём из династии Романовых Северный морской путь был закрыт.

²⁹ Считается, что Мутной рекой называли тогда нижнее течение реки Морды (Мордыяха) и впадающую в неё реку Сёяга, которая «течёт в берегах, сложенных из серой глины, и воды её совершенно не прозрачны».

Считается, что Северный морской путь запретили с подачи тобольских воевод, которые прямо были заинтересованы в устранении ещё одного Мангазейского пути из Сибири, конкурирующего с тобольским путём.

И, как и бывает в таких случаях, тобольские воеводы сумели найти весьма патриотическую мотивировку. Они сообщали в Москву о большом беспокойстве, которое им причиняет угроза – на Колгуеве мангазейскими мореходами был обнаружен разбитый корабль с пушками – иностранного нашествия, и спрашивали, разрешать ли иноземцам торги, если они появятся в Мангазее и на Енисее.

В Москве, кажется, только и ждали этого обращения.

Уже 25 июня 1616 года была составлена, а 19 октября доставлена в Тобольск грамота, утверждавшая проект запрещения морского пути в Сибирь.

Мангазейские воеводы и люди, занятые непосредственно Северным морским судоходством, пытались противодействовать, оспаривая такое решение, но уже в ноябре 1620 года последовал указ, коим окончательно под страхом смертной казни воспрещался морской путь в Сибирь, а «торговым и всякого звания людем» предлагалось пользоваться сухопутными дорогами через Камень.

В 1623 году на Ямале, на Мутной и на Зелёной реках выставили заставу, и морской путь в Сибирь перестал действовать.

А скоро, на радость тобольских воевод, зачала и сама златокопящая Мангазее, скоро пришло в упадок и всё русское морское дело...

Местнические интересы тобольских воевод тут очевидны, и поэтому для нас интереснее понять, почему всё-таки вняли в Москве этим просьбам, почему правительство Михаила Фёдоровича, первого царя из Романовых, приняло решение, противоречащее государственному интересам? Почему на два с лишним столетия задержали развитие русского Севера? Почему убили северное русское мореплавание?!

Некоторые исследователи и сейчас пытаются доказать, что всё тогда было сделано правильно и таким образом удалось предотвратить иностранную экспансию в Сибирь.

Воистину, чтобы говорить такое, нужно научиться смотреть на факты, как говорил Иоанн IV Васильевич Грозный, «беззаконными очами».

Кто же защищает Родину, уничтожая собственный флот и опорные пункты на пустынных берегах?

Достаточно взглянуть на географическую карту русского морского Севера, испещрённую иностранными именами, и сразу станет понятно, кто плавал в этих морях в XVII и XVIII веках и к чему привёл запрет на отечественное мореплавание.

Увы... Только в XIX веке снова появились в северных морях русские корабли. И, наверное, никто так остро не ощущал ущербность проведённых первыми Романовыми реформ, как офицеры Великой северной экспедиции. Их корабли, построенные и оснащённые по последнему слову западной морской науки, для арктических плаваний не годились, и капитаны их годами не могли пройти те маршруты, которые за столетие перед ними легко пробегали казаки на лёгких поморских кочах. Постигнуть эту истину офицерам Великой северной экспедиции было невероятно трудно, и, даже когда в архивах якутской воеводской избы были найдены «сказки» Семёна Дежнёва, лейтенант Дмитрий Лаптев так и не смог поверить в реальность совершённого задолго до него плавания.

Впрочем, офицеры Великой северной экспедиции были не одиноки в своих заблуждениях. Только благодаря работам, проведённым уже в советское время, стало ясно, что успехи старорусского мореплавания были не случайными, а базировались на комплексе национальных морских традиций.

Как видно из исследований доктора исторических наук Михаила Ивановича Белова, в основе нашего полярного флота лежал коч – единственный в то время тип морского судна ледового класса. Название его происходит от новгородского «коца» – ледовая защита, и связано было оно с важнейшим конструктивным приспособлением кочей – «шубой льдяной», второй ледовой обшивкой, расположенной в районе ватерлинии. Другим важным отличием коча был корпус яйцеобразной формы, благодаря которому при ледовом сжатии судно не ломалось, а выжималось из льда.

Производя раскопки легендарной Мангазеи, М. И. Белов нашёл сосновые доски, на которых была изображена эта русская полярная «каравелла». Уникальные «доски-чертежи» находятся в экспозиции музея Арктики и Антарктики, и каждый теперь может увидеть их.

Сейчас уже трудно представить, насколько был опорочен и унижен петровскими реформами весь предшествовавший опыт развития страны. Даже такие великие сыновья России, как Михаил Васильевич Ломоносов, не в силах были преодолеть заблуждения эпохи и не всегда учитывали то полезное, что было достигнуто в допетровскую эпоху.

Пример этому – составленная М. В. Ломоносовым «Примерная инструкция морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на восток Северным Сибирским океаном». Исполняя этот фантастический план, моряки экспедиции Василия Яковлевича Чичагова проявляли чудеса героизма и два года безуспешно пытались пробиться на восток через Северный Ледовитый океан напрямик, поскольку прежний путь вдоль берегов континента (нынешний Северный морской путь) Ломоносов считал невозможным.

Безуспешными были и экспедиции по изысканию Северного морского пути, предпринятые по инициативе Н. П. Румянцева (О. Б. Коцебу – на «Рюрик» в 1815–1818 годы, М. Н. Васильев – на «Открытии» в 1819–1821 годы).

Как это ни прискорбно, но весь XVIII век и начало XIX века ушли в нашей стране на то, чтобы осознать бесперспективность «нерусского» пути освоения Арктики и необходимость возвращения на «Божью дорогу», с которой попытались первые Романовы свернуть Россию, чтобы уткнуть её в европейские зады.

Интересно, что успехи зарубежных исследователей Арктики в XIX и начале XX веков во многом оказались определены их более переимчивым отношением к старорусскому опыту северного мореплавания. К сожалению, это не у нас в России, а на европейских верфях, на новом уровне кораблестроения возрождались идеи, заложенные русскими мастерами в конструкции кочей, и на этих судах и совершили европейские исследователи плавания, золотыми страницами вошедшие в историю открытия Арктики...

А насчёт территориальной иностранной экспансии на русские севера в XVI веке, конечно, сказано правильно.

Увы, всё было сделано первыми Романовыми, чтобы сдать северные территории, ведь после введённого для своих кораблей запрещения плавать в Мангазею совсем беззащитным стало русское побережье...

И если завоеватели, которых так опасались в Тобольске, всё-таки не сумели овладеть северными сибирскими территориями, то только потому, что, к счастью для нашей страны, они ещё не научились тогда вести войну в таких экстремальных условиях...

Думается, что в Москве не могли не понимать трагических последствий, которые произошли и которые могли бы произойти на наших северах в результате вводимого запрета.

Но так уж была ориентирована династия Романовых, что стремление развернуть Русь от Богом дарованных ей просторов Тихого и Северного Ледовитого океанов и уткнуть её в Балтийское мелководье и в берега никому не нужного без проливов Чёрного моря, оказалось сильнее соображений безопасности и выгоды.

Можно вспомнить тут сходный указ Петра I от 31 октября 1713 года, которым запрещалась морская торговля через Архангельск, чтобы убедиться ещё раз, что первые Романовы делали всё, чтобы навсегда закрыть двери, распахнутые в океан русского будущего...

7

Вот так при первом же царе Романове и оказался похороненным гениальный план толмача Мити Герасимова о Божием пути через моря Северного Ледовитого океана.

Само имя Дмитрия Герасимова очень скоро оказалось забыто, и снова всплыло оно в 1666 году на Большом церковном Соборе над расколоучителями и патриархом Никоном, который под руководством жуликоватого митрополита Паисия Лигарида, практически в полном соответствии с принципами якобы побеждённой ереси жидовствующих, вели «вселенские патриархи», патриаршие кафедры которым будут куплены царём Алексеем Михайловичем уже после завершения Собора.

Историки до сих пор спорят об авторстве знаменитой «Повести о Новгородском белом клобуке», однако для организаторов Собора 1666–1667 годов, окончательно оформивших раскол Русской православной церкви, таких сомнений не было.

Без колебаний Церковный Собор объявил автором этой замечательной повести Дмитрия Герасимова и постановил, что сочинял он её «от ветра главы своя».

Впрочем, царю Алексею Михайловичу, отцу Петра I, тогда казалось, что и вся Святая Русь тоже сочинена «от ветра главы своя»...

Только при Романовых-Павловичах происходит отказ от этого династического заблуждения, и только при правлении святого царя Николая II начинается практическое возвращение государства в духовные пределы Святой Руси.

Особенно ярко это проявилось в ходе освоения Арктики.

Героические, зачастую отчаянные попытки предпринимают русские морские офицеры, чтобы вернуть приоритеты, утраченные Россией на Крайнем Севере. В отличие от предыдущих правлений, в правление императора Николая II эти инициативы поддерживаются государством, и благодаря этому на новом «ледокольном» этапе освоения Арктики Россия оказывается не в хвосте европейских государств, а начинает опережать их.

Огромную роль в этом прорыве сыграло научное предвидение Дмитрия Ивановича Менделеева и адмирала Степана Осиповича Макарова, но не менее важным тут было и осознание насущной необходимости для России Северного морского пути.

«Содержание большого ледокола на Ледовитом океане может иметь и стратегическое значение, — отмечал С. О. Макаров в записке, поданной 3 января 1897 года на имя морского министра, — дав возможность нам при нужде передвинуть флот в Тихий океан кратчайшим и безопаснейшим в военном отношении путём...»

Продвигая свою идею освоения Арктики, Степан Осипович Макаров всегда подчёркивал, что всё-таки «дело ледоколов зародилось у нас, в России. Впоследствии другие нации опередили нас, но, может быть, мы опять сумеем опередить их, если примемся за дело».

В своей знаменитой лекции «К Северному полюсу напролом!», прочитанной 30 мая 1898 года в Мраморном дворце на экстренном заседании Географического общества, Макаров подробно рассказал о предприимчивом владельце паромной переправы в Кронштадте Михаиле Осиповиче Бритневе — «первом человеке, который захотел бороться со льдом». Ещё в 1864 году Бритнев срезал у своего парохода носовую часть так, чтобы она могла взбегать на лед и обламывать его, и в результате сумел расширить время навигации осенью и зимой на несколько недель. По купленным у Бритнева чертежам были построены первые европейские ледоколы.

Накопленный российский опыт Степан Осипович Макаров предлагал использовать и в полярном судоходстве.

«Вопрос не в том, строить или не строить ледоколы для сообщения с Енисеем, – говорил он, – а в том, строить ли их теперь или надо ещё подождать».

Ждать не потребовалось.

Уже на следующий год Степан Осипович Макаров набирал команду для построенного по его проекту ледокола «Ермак».

Большую роль в проектировании и продвижении проекта «Ермака» сыграл Дмитрий Иванович Менделеев. Мысли о ледокольном флоте не оставляли его и в дальнейшем, и в 1902 году Менделеев разработал план высокоширотной научной экспедиции в Центральную Арктику.

Однако, говоря о заслугах Макарова и Менделеева, необходимо подчеркнуть ещё раз, что национальную проблематику плаваний в Арктике актуализировало тогда начало освоения дальневосточных районов и необходимость защищать их. Идеи новых принципов полярного мореплавания, по сути, заложившие материальную основу для будущих экспедиций, рождались как ответ на задачи, возникающие в ходе естественного развития страны, и находили живой общественный отклик. Не случайно народная молва сразу переименовала построенный Степаном Осиповичем Макаровым ледокол в «Ермака Степановича»...

Более того, в самых широких кругах военной, научной, предпринимательской общественности начало формироваться отчётливое понимание, что любое промедление с практической реализацией Северного морского пути может обернуться катастрофой.

Военный гидрограф Андрей Ипполитович Вилькицкий обосновал возможность переброски военных судов полярными морями, но было уже поздно. Эскадра адмирала З. П. Рожественского пошла – восемнадцать тысяч миль пути! – южными морями.

«Если бы хотя десятая доля того, что потеряли при Цусиме, была затрачена на достижение полюса, – сказал тогда Д. И. Менделеев, – эскадра наша, вероятно, прошла бы во Владивосток, минуя и Немецкое море, и Цусиму».

В этих словах Д. И. Менделеева много горечи, но, однако, неправильно видеть тут одну только констатацию произошедшего поражения.

Точно так же и сама Русско-японская война не являлась завершением дальневосточной политики Николая II, она только лишь определила условия, в которых может осуществляться раз-

витие и процветание российского Дальнего Востока. Русско-японская война показала всем, что для этого необходимо окончательно расстаться со многими стереотипами прежней российской политики, и необходимым условием для развития Сибири и Дальнего Востока является Северный морской путь.

И не случайно первым из русских мореплавателей, осуществившим сквозное плавание по Северному морскому пути, стал участник Русско-японской войны Борис Андреевич Вилькицкий. Он и осуществил первое русское сквозное плавание по Северному морскому пути на ледоколах «Таймыр» и «Войгач», которые с полным правом могли быть названы сыновьями ледокола Степана Осиповича Макарова, прозванного «Ермаком Степановичем».

Получалось, что арктические экспедиции, осуществлённые русскими офицерами, участниками Русско-японской войны, явившиеся едва ли не самыми яркими по своему героизму и самопожертвованию во всей истории исследования северных морей, преображали в победу понесённые в Порт-Артуре и Цусимском проливе поражения.

Символично и то, что венчает эту героическую эпопею последнее Великое географическое открытие – открытие архипелага, названного Борисом Андреевичем Вилькицким Землёй Императора Николая II.

Название это было дано не только в связи с широко праздновавшимся тогда 300-летием Дома Романовых, но ещё и потому, что именно при Николае II Россия всерьёз начинает заниматься общенациональным российским делом обустройства тихоокеанских и североморских рубежей. Мастерство и геройская самоотверженность офицеров святого царя, сливаясь с молитвенным, истинно монаршим служением его, воплотились в реальность новой, неведомой доселе Земли.

8

К сожалению, после революции большевики, жертвуя государственной целесообразностью, стерли с карты имя императора Николая II и цесаревича Алексея (остров Малый Таймыр).

В 1918 году, чтобы не возиться с переименованием, архипелаг просто убрали с карты. Однако, когда в 1924 году американцы попытались поднять на острове Врангеля свой государственный флаг, пришлось вспомнить и забытую Землю Императора Николая II.

Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин заявил тогда в меморандуме: «В сентябре 1916 г. Российское Правительство известило все союзные и нейтральные державы, что нижеперечисленные острова составляют неотъемлемую часть российской территории, а именно: остров Генерала Вилькицкого, Земля Императора Николая II, остров Цесаревича Алексея, острова Старокадомского, Новопашенного...»

И получилось, что не только канонерка «Красный Октябрь», посланная тогда из Владивостока к острову Врангеля, обороняла от непрошенных пришельцев северные российские острова, но и царь-мученик.

Однако большевики всё-таки добились своего.

11 января 1926 года на заседании Президиума ВЦИК было постановлено: «Наименовать группу островов в Северном Ледовитом океане: «Земля Николая II», «Цесаревича Алексея» и «Старокадомского» – «Таймырский архипелаг». Присвоить наименования: «Земле Николая II» – «Северная Земля», острову «Цесаревича Алексея» – «Малый Таймыр»...

В 1930–1932 годах после детального обследования архипелага экспедицией Арктического института четыре самых крупных острова получили названия Октябрьской Революции, Большевик, Комсомолец, Пионер, из которых, принимаясь своим носом, выглядывает и мыс Розы Люксембург.

Впрочем, эта схожая с кривлянием хулиганов у кривого зеркала эпопея переименования Земли Императора Николая II на само отношение советской власти к Северному морскому пути не повлияла. Арктика – это, кажется, единственная область, в которой политика святого императора не претерпела изменения и в советские годы.

И, оглядывая сейчас историю Северного морского пути, размышляя о героях и предателях этого общенационального российского дела, мы ясно видим, что путь этот – не только чрезвычайно важная линия коммуникации, но это ещё и наша национальная мысль.

И слагалась она не в праздных прожектах, а в героических походах поморов и казаков, в самом образе жизни народов, населяющих российские севера, в духовных прозрениях и подвигах Дмитрия Герасимова и Семёна Дежнёва, в самоотверженности офицеров Великой северной экс-

педиции: Витуса Беринга, Алексея Чирикова, Дмитрия Овцына, Василия Прончищева, Дмитрия и Харитона Лаптевых, Семёна Челюскина, в научных трудах Михаила Ломоносова и Дмитрия Менделеева, в капиталовложениях Александра Сибирякова, в полярных подвигах Бориса Вилькицкого и Александра Колчака, Степана Макарова и Георгия Седова, Ивана Папанина и Отто Шмидта, в труде моряков-полярников, ведущих корабли сквозь северные широты, и – что уж скрывать! – в каторжном труде заключённых ГУЛАГа...

Сейчас многие обеспокоены поиском национальной идеи.

Но национальную идею нельзя сконструировать, национальная идея – это не только выгода той или иной, пусть и значительной по своей численности, группы населения. Национальная идея сама складывается из подобных Северному морскому пути национальных мыслей, которые выработали народы нашей страны на протяжении истории и которые, вопреки всему, сумели сохранить. Это то, на что отзывается сердце каждого россиянина, независимо от того, где – в Москве, Санкт-Петербурге, на Дальнем Востоке или где-то далеко за рубежами нашей Родины – живёт он.

*Челюскинцы: звук –
Как сжатые челюсти!
Мороз на них прёт,
Медведь на них щерится.*

*И впрямь челюстями –
На славу всемирную –
Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!..*

В этом стихотворении Марины Цветаевой, написанном в 1934 году, речь не только о переживании поэта, связанных с эпопеей спасения челюскинцев. Это стихотворение ещё и о национальной идее, обретённой в тот момент не только автором стихотворения, но и миллионами других россиян.

*...Сегодня – смеюсь!
Сегодня – да здравствует
Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь – и горжусь,
Челюскинцы – русские!*

Реформаторы 1990-х годов, подобно первым Романовым, стремившимся свернуть страну с Божьей дороги, попытались задраить все окна для сладкого, будоражащего сознание советским героизмом воздуха высоких широт...

Но хочется верить, что когда к нам, как к последним Романовым, вернётся способность воспринимать национальные мысли, которые даёт нам Божия дорога, мы возродим и вымороженные реформаторами города российских Северов, и тогда они станут памятниками осуществлённой национальной мысли.

9

Хотелось бы сказать тут, что попытки вернуть архипелагу Северная Земля имя Святого царя, данное островам его первооткрывателем Борисом Андреевичем Вилькицким, начали предприниматься вскоре после канонизации Царской семьи.

1 декабря 2006 года Дума Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа приняла постановление, которым предлагалось вернуть архипелагу Северная Земля прежнее название Земля Императора Николая II, а также переименовать остров Малый Таймыр в остров Цесаревича Алексея, остров Октябрьской революции – в остров Святой Александры, остров Большевик – в остров Святой Ольги, остров Комсомолец – в остров Святой Марии, остров Пионер – в остров Святой Татьяны и остров Домашний – в остров Святой Анастасии.

Однако произошло объединение Красноярского края и Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа, и Законодательное собрание Красноярского края отклонило эту инициативу.

Аргументировали красноярские депутаты своё решение стремлением сохранить «стабильность общественных отношений» и слишком большими финансовыми затратами на переименование.

Неизвестно, как было насчитано сто миллионов рублей, но всё равно, разве защита российского приоритета на арктическом шельфе и на Северном морском пути, этой «исторически сложившейся национальной транспортной коммуникации Российской Федерации», не стоит этих затрат?

Это же касается и «стабильности общественных отношений», которую желают сохранить красноярские депутаты. На карте Северного Ледовитого океана, который иногда называют Русским, к сожалению, не так уж и много русских имён. И здесь, где есть и Земля австрийского императора Франца-Иосифа, для картографической «стабильности» весьма бы была уместна и Земля Императора Николая II.

Об этом, умирая в эмигрантской нищете, думал сам первооткрыватель этой Земли Борис Андреевич Вилькицкий.

«Пройдут годы... исчезнут одиозные народу имена, рассеянные по необъятному простору России, как уже исчезли улицы и заводы с именем Троцкого; вернется Ленинграду, – пророчески писал он, – имя великого Петра, как и другим городам их исторические названия, обретут вновь и эти земли имена покойных Государя и Цесаревича, имена, принадлежащие им по праву истории».

Окончание следует.

